

Библиотека
рыболова

А.Г. Акимов
**ЗИМНЯЯ
ЖЕРЛИЦА**

*Библиотека
Губарева*

ФИС

МОСКВА «ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ» 1992

ПЕРВОЛЕДЬЕ

А 39 **Акимов А. Г.**
Зимняя жерлица. — М.: Физкультура и спорт, 1992. — 128 с., ил. — (Библиотека рыболова)

ISBN 5-278-00529-7

Опытный рыболов-любитель в своей книге рассказывает о постановке зимних жерлиц, об их конструкции, сопутствующих принадлежностях, живцах и особенностях зимней ловли щуки, судака и налима.

Для широкого круга любителей рыбной ловли.

А 4204000000 — 012
009(01)—92 53-92

ББК 47.2

ISBN 5-278-00529-7

© Акимов А. Г., 1992

Наступило предзимье или, как его еще называют, межсезонье, когда летние снасти приведены в порядок и уложены в укромное место до весны, а зимние — наоборот, осматриваются: проверяются лески, натачиваются крючки и ножи ледобура, заменяется отслужившая свой век оснастка. Не забыта также и зимняя экипировка. Сейчас самое время запастись живцом, сохраняя его до перволедья в просторной канне, выставленной на балкон, в сени или сарай, то есть в любое холодное место, исключаящее, однако, появление там кошек.

А перволедье уже не за горами. С нетерпением ждут его рыбаки. Утром, встав на работу, первым делом подбегают к термометру, висящему за окном, взяв в руки утреннюю газету, читать начинают с последней страницы, где помещена сводка Гидрометцентра на ближайшие сутки и приведена схема наступления холодных фронтов.

И наконец беспристрастный голос утреннего диктора информирует: «Температура днем плюс один — минус один, к вечеру — постепенное понижение до минус шести — восьми градусов».

Возликует рыбацкая душа и затаится чтоб не сглазить. А то, глядишь, на завтра опять все раскиснет. Но нет, держится морозец, сковывая ледяным панцирем прудишки и небольшие озера. На улице, в транспорте, во время перерывов на работе только и слышатся сообщения: по такому-то пруду уж ребяташки на коньках катаются, такой-то залив стал, в таком-то магазине вчера выкинули крупного мотыля. Рыбаки сейчас, словно трудяги муравьи, мельтешат, суетятся, составляют планы на ближайшие выходные, доказывая для убедительности активной жестикуляцией, где лучше по перволедью клюет плотва или окунь, лещ или судак. И уже под конец рабочей недели произведет эффект разорвавшейся бомбы распространяющийся по всему предприятию с быстротой сверхзвукового лайнера слухок, что, дескать, чей-то брат или сват на медни обловился, еле рюкзак домой приволок. Все, судьба выходных дней окончательно решена. Едем!

Еще в пятницу с вечера отправляются по разным направлениям наиболее заядлые и нетерпеливые любители к своим заветным местам, чтобы, скоротав долгую ночь где-нибудь на базе, в деревенском доме, а то и просто в крытом вокзале железнодорожной станции, затемно, опередив многочисленных конкурентов, прорубить счастливую лунку. Серенький зимний рассвет открывает взору наблюдателя веселую картину. На чистом белом поле водоема, повернувшись спиной в одну сторону, сидят сгорбившись сотни и тысячи фигурок рыбачков, напоминая сейчас отдыхающих черноспинных пингвинов. Иногда они так плотно группируются, что видна лишь сплошная темная масса, притягивающая к себе все новых и новых легковых дилетантов, полагающих, что где народ — там и рыба. Не думайте, дорогие новички, что это обидное слово относится к вам. Ни в коем случае. Ведь все асы когда-то тоже начинали с нуля, оттачивая со временем свое мастерство, пополняя опыт новыми наблюдениями и

лично разрешенными загадками. Это естественный, закономерный процесс. Поэтому новичок попросту называется начинающим рыболовом. Дилетанты же — люди, не стремящиеся внести в коллектив пусть крупную, но зато своих открытий, своего опыта. Их единственное желание, чтобы любой (им безразлично даже, что он из себя представляет как человек) мало-мальски опытный рыболов привез их на свое место, нашел им нужную глубину, указал как ловить, а уж вытаскивать рыбу они будут сами. По окончании рыбалки, обловив своего жоака (такое тоже изредка случается), будут кичиться и подтрунивать над ним, похваляясь незаконным уловом. В противном же случае — раскисают, как снеговая баба во время оттепели, и от их нудного брюзжания становится тошно.

Еле-еле, как бы нехотя, зарождается ноябрьский денек. Монотонное грязно-белое небо низко повисло над землей, едва не касаясь вершечек высоченных и прямых, словно свечки, со слегка припушенной молодым снежком вечнозеленой кроной сосен, расположившихся обособленной группой на обрывистом берегу. Но, несмотря на кажущуюся хмарь, вокруг все же светло. Светло от свежавыпавшего мягкого снега и светло на душе у людей, открывших сегодня свой очередной рыболовно-зимний сезон. А уж по льду пополз слухок, что где-то там, на плесе, мужик вытащил двухкилограммового леща, внеся тем самым некоторое смятение в ряды нетерпеливых и понуждая еще пристальнее гипнотизировать поплавки более опытных и верящих в свою счастливую лунку рыболовов. Мало-помалу начинает активно брать подлещик, заставляя любителей все чаще и чаще *шить*. Этим кратким глаголом обзывается процесс вываживания рыбы на зимнюю поплавочную удочку. И действительно, если посмотреть со спины на такого швеца, создается впечатление, будто он и впрямь что-то шьет длинными нитками, высоко взмахивая руками.

Но тут над притихшим белым простором раздается протяжный громкий сигнал: «Гори-и-ит!» — и все находящиеся поблизости, забыв про полавки, дружно поворачивают головы с разинутыми ртами. Вскочив с ящика, точно подброшенный пружиной, из толпы вырывается рыболов и спешит к слегка кивающему на длинной пружинистой полоске стали, трепещущему под ветерком красному флажку подледной жерлицы. Начинаясь всегда после выстрела несется пулей, топая по неокрепшему гулкому льду, словно застоявшийся жеребец. Бывалый же, сохраняя солидность и изображая на лице напускное безразличие, идет не спеша, хотя, забывшись, нет-нет да и засеменит ногами, а на обратном пути под молчаливые восторженно-завистливые взгляды лещатников нарочито медленным шагом протриумфирует мимо них к своему ящику, небрежно помахивая по ходу забагреной за нижнюю челюсть солидной добычей, сохраняя все то же непроницаемое спокойствие. И хоть бы улыбнулся, черт, краешком рта. Но я-то знаю — внутри у него все ликует.

ЗИМНЯЯ ЖЕРЛИЦА

Применяется эта снасть в течение всего периода ледостава с переменным успехом — в зависимости от воздействия внешних факторов, оказывающих зимой на рыбу более существенное, нежели летом, влияние. Обладателями жерлиц являются те кружочники и спиннингисты, которые и в зимнее время предпочитают ловлю хищника ловле белой рыбы. Основными объектами ловли являются судак, щука и отчасти налим. Крупный окунь изредка попадает на мелкого живца по перволедью, но чаще лишь сбивает его, зажигая при этом флажок. Ввиду малой активности из-за резкой смены окружающей обстановки зимой окуни более успешно ловятся на мормышку с мотылем или на зимнюю небольшую блесну.

Некоторым людям со стороны покажется, что ловля на зимние жерлицы — малоспортивный способ. Подумаешь, расставил снасти и сиди себе где-нибудь поблизости, потряхивая мормышкой или вперив свой взгляд на поплавочные удочки. Зачастую именно так и происходит, особенно по перволедью и в конце зимнего сезона, когда активный хищник большей частью рыщет по водоему и сам находит предложенного ему

живца. Но в глухозимье такое ожидание никуда не годится, ибо ленивый рыболов может в результате подобного сидения записать в свой актив баранку, то есть ноль. Целеустремленный, ищущий рыбак даже в периоды бесклевья редко уезжает домой с пустыми руками. Он беспрестанно сверлит толстый лед, промеряет глубину, партиями переставляет жерлицы и в конце концов обнаруживает стоянку рыбы. А заработанный потом улов, да еще в глухой сезон, когда многие и поклевки-то не видели, вдвойне-втройне приятней.

Итак, приступаю непосредственно к техническому описанию устройства зимних жерлиц. По сути дела, эта снасть сходна с летним кружком, но с той лишь существенной разницей, что не обладает динамикой, то есть устанавливается на льду в избранной точке в ожидании момента, когда голодный хищник соблаговолит дернуть за леску.

В современной литературе указывается довольно много типов конструкций зимних жерлиц, но все они по тем или иным причинам не удовлетворяют потребительского спроса рыболовов. Порой приходится встречать описание и схемы снастей, в состав которых входят сигнализаторы, выполненные в виде эллиптических замкнутых полостей с помещенной внутрь охотничьей дробью (!), предназначенной для соблюдения баланса сигнализатора в состоянии покоя по отношению к горизонту. Леска на данном сигнализаторе фиксируется таким образом, что при поклевке полость, свободно закрепленная на шарнирной оси, из вертикального положения переходит в горизонтальное, дробь перемещается во вторую половину, в результате чего эллиптический сигнализатор под действием дисбаланса вновь занимает вертикальное положение, но уже повернувшись на 180° по отношению к своему прежнему состоянию покоя, то есть красной стороной вверх. Беру на себя смелость утверждать, что автор

подобной конструкции либо вовсе не рыбак, либо устанавливает придуманные им самим жерлицы недалеко от порога своего деревенского дома один раз и на всю зиму, ибо городской рыбак-жерличник, совершающий иногда пешие переходы на 5 и более километров, да еще с наполненной водой канной, учитывает при увязывании рюкзака каждые лишние граммы и уж безусловно откажется от снастей, в которые надо еще и дробь насыпать. Хотите — верьте, хотите — нет, уважаемые читатели, но на собственном опыте я убедился, что надежнее и лучше конструкции зимней жерлицы, принадлежащей, как утверждают авторы книги «Удачливый рыболов» (Волго-Вятское изд., Горький, 1973), известному рыболову Д. Ф. Самарину, пока что нет, да, видимо, и не ожидается в ближайшем будущем.

Жерлица (рис. 1) состоит из трех основных разборных частей: стойка; пружинный фиксатор с флажком; катушка с кронштейном. Более простую и рациональную конструкцию трудно предположить.

Стойка (1) делается из дюралевой трубки внешним диаметром 10 мм и длиной 350—400 мм. Внутренний диаметр с одного (верхнего) конца рассверливается 8-миллиметровым сверлом на глубину 20—25 мм. С этой стороны в стойку вставляется 8-миллиметровая дюралевая трубка (2) длиной 120—130 мм, на верхнем конце которой закреплен фиксатор (4), сделанный из пружинной полоски стали, вытащенной из тульи старой солдатской или офицерской фуражки. Фиксатор крепится к трубке обычной хлорвиниловой изоляционной лентой (3). На верхний конец пружины универсальным клеем «Момент-1» приклеивается красный флажок (5) размером 40×80 мм. Катушка (6) изготавливается из плотного пенопласта сечением 20 мм и диаметром 70—80 мм. Ширина и глубина желобка соответственно 10×12 мм. В центре катушки сверлится 5-миллиметровое отверстие, в которое запрессовы-

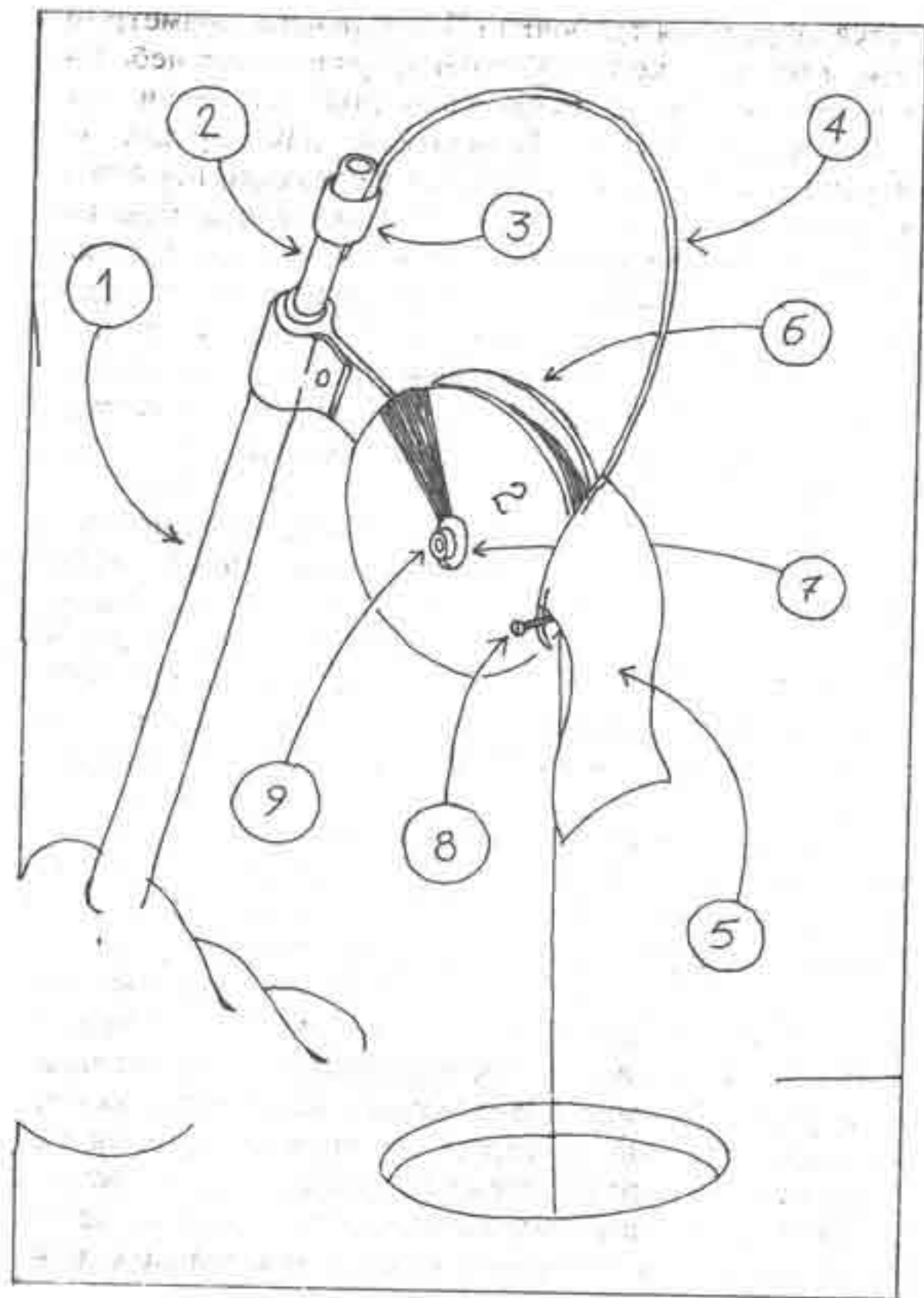

Рис. 1. Зимняя жерлица

вается дюралева трубочка (7) внутренним диаметром 3 мм, а ближе к краю катушки вворачивается небольшой винтик (8), выполняющий роль рукоятки для наматывания лески. Кронштейн для крепления катушки к стойке изготавливается из полоски нержавеющей стали сечением 0,8—1 мм. Один конец полоски загибается по окружности стойки и склепывается, а на другом в 5 мм от края по центру сверлится 3-миллиметровое отверстие, куда вставляется такого же диаметра 30-миллиметровый латунный винт (9) и закрепляется гайкой. На винт надевается катушка, фиксируемая с обратной стороны отрезком резиновой или хлорвиниловой трубочки.

Иногда (на Птичьем рынке в Москве, например) продаются катушки, отлитые из полиэтилена. Они очень удобны, так как сравнительно легки и самое главное — не крошатся и не раскалываются при перевозках, как это случается с пенопластовыми и тем более с пластмассовыми бобинками, вроде тех, что служат упаковочным материалом для рыболовных лесок.

Дюралевая стойка имеет два недостатка: примерзает к рукам в сильный мороз и тонет при случайном попадании в лунку. Зато в отличие от деревянной не впитывает в себя воду и не припаивается ко льду.

На всю длину пружинного фиксатора некоторые рыболовы надевают белую изоляционную хлорвиниловую трубочку, якобы предохраняющую его от влаги и коррозии. Это мне кажется излишним. Проще перед выездом на ловлю протереть все пружины тампоном, слегка смоченным веретенным маслом, или (горожанину) отнести в металлоремонтную мастерскую, где их за короткий срок оцинкуют, избавив хозяина жерлиц в дальнейшем от мелких хлопот.

Некоторые эстеты выбирают для своих флажков ярко-красный или оранжевый материал из какого-нибудь синтетического волокна, объясняя, что от

солнца и влаги хлопчатобумажные флажки линяют, а синтетические и служат дольше, и под солнечными лучами ярче горят. На мой взгляд, лучше бы они горели не под лучами, а в результате хватки, и Бог с ним — из чего флажок сделан, но тем не менее, покрывав для приличия, я все же в конце концов клюнул на ихнюю удочку и изготовил такие же. Ничего не скажу — красиво горят, хотя на клеве это никоим образом не отражается.

Оснащается жерлица жилковой леской сечением 0,4—0,6 мм (в зависимости от предполагаемой добычи) и длиной, превышающей самую большую глубину водоема на 3—4 м. На леску надевают два свободно скользящих грузика «оливка», далее идет карабин с застежкой и поводок с крючком. О поводках и крючках, применяемых на зимних жерлицах, я расскажу чуть позже, конкретно по каждому объекту ловли. Капроновый шнур зимой лучше не употреблять: он хоть и виден на снегу, зато очень быстро примораживается ко всевозможным предметам. Да и надобности в нем сейчас особой нет.

Теперь коротко о настораживании жерлицы и механизме ее срабатывания.

В большинстве случаев хищник питается зимой около самого дна, а налим — только со дна. Лишь по последнему льду в связи с попаданием в водоем мутных потоков и перемещением мелочи щука и судак изредка поднимаются вполводы. Но это исключения. Поэтому живца опускают на леске до тех пор, пока она не провиснет — значит, грузило коснулось грунта. Вращая катушку в обратную сторону, делают 4—5 оборотов, сгибают фиксатор, и его слегка загнутый конец заводят за рукоятку катушки. Жерлица насторожена.

Теперь хищник, схватив живца, неизбежно потянет леску, та, в свою очередь, приведет в движение катушку и фиксатор выстрелит, то есть даст сигнал поклевки.

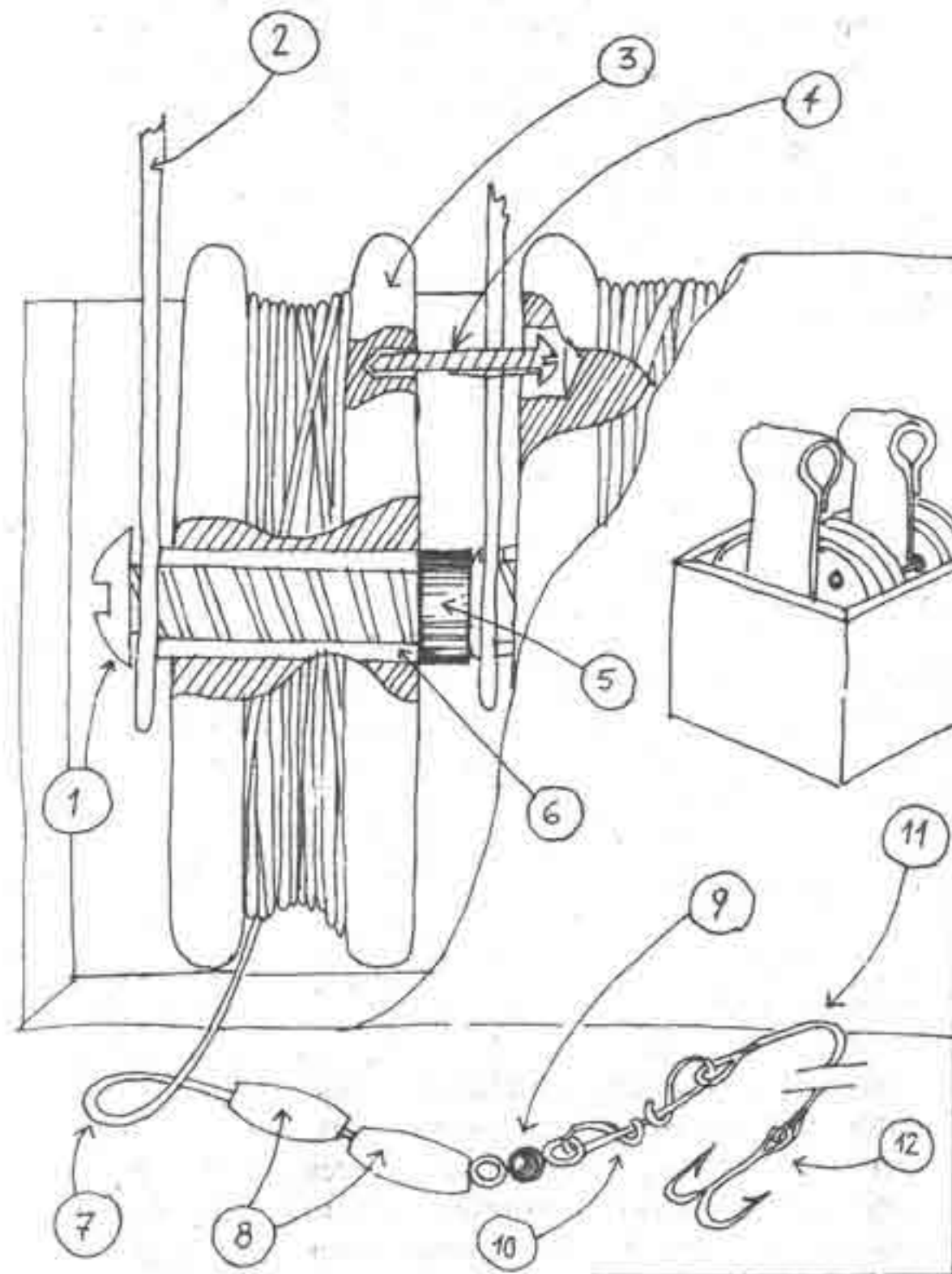

Рис. 2. Оснастка зимней жерлицы:

1 — винт, вделанный в дюралевую трубку; 2 — фиксатор; 3 — катушка; 4 — винтик-ручка для наматывания лески; 5 — хлорвиниловая трубочка — фиксатор катушки; 6 — дюралевая трубочка; 7 — основная леска; 8 — грузило «оливка»; 9 — карабин; 10 — застежка; 11 — поводок; 12 — двойник

Оптимальное число жерлиц — 10, хотя в Московской области установлена норма (по непонятным причинам, ведь больше пяти щук в день рыболов не имеет права выловить) — 5 штук на члена общества.

После изготовления каждую снасть необходимо вручную отладить так, чтобы живец не выстреливал, а хищник свободно мог расфиксировать катушку. Это делается дома. С помощью круглогубцев постепенно сгибают (или разгибают, если она уже согнута) верхинку фиксатора до тех пор, пока он не будет реагировать на легкие движения живца, но сразу же выстрелит после рывка хищника (рис. 3).

Буквально несколько строк о перевозке снастей в общественном транспорте.

Случалось ли вам, дорогой читатель, добираться до водоема от железнодорожной станции в переполненном рыбаками автобусе, стоя при этом на одной ноге? Уверен — случалось. А случалось ли вам с замиранием сердца вспоминать в тот момент о хрупкости вашего замечательного, например, китайского термоса, купленного в далекие времена и служившего вам эти годы верой и правдой? Уверен — тоже. И уж несомненно, в какую-нибудь из таких поездок вам доводилось наблюдать, выйдя из автобуса, как некий рыбачок, чертыхаясь и прочее, вываливал из рюкзака на снег обильно политые крепким чаем останки не менее замечательного, однако, увы, столь бесполезного теперь предмета. И, наконец, после этого краткого, но поучительного вступления, вы, вероятно, со всей очевидностью представите мое уныние, когда однажды, в результате небрежно упакованных в рюкзак пенопластовых катушек, на льду пред очи мои три из десятка предстали в изуродованном виде. Это было если не удар, то во всяком случае великое огорчение.

Следовательно, дабы застраховать себя от подобного рода неприятностей, вам остается всего-навсего изготовить или подобрать подходящий футляр.

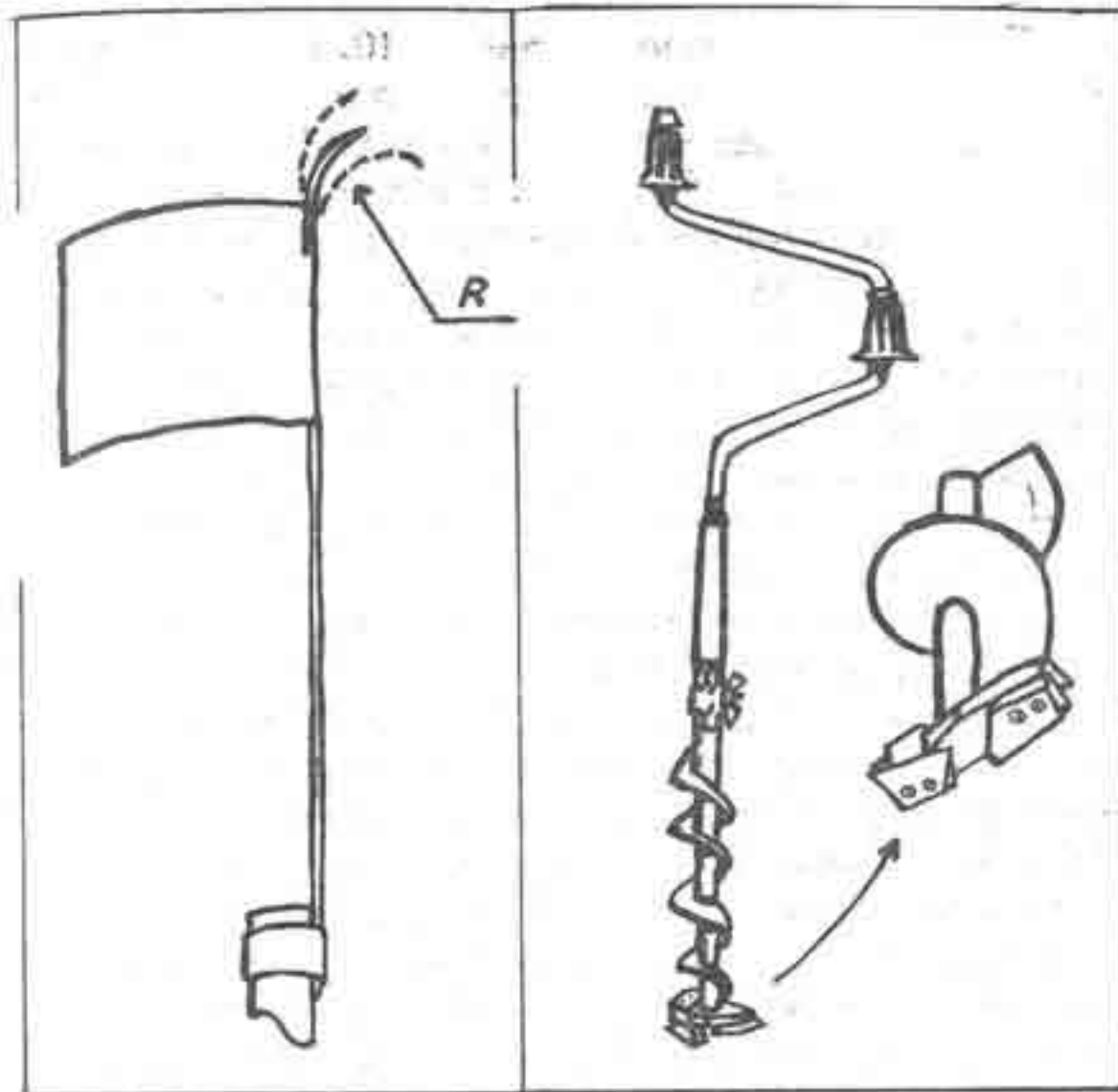

Рис. 3. Схема регулировки флажка жерлицы

Сейчас можно предложить несколько вариантов, но остановлюсь на одном, как наиболее оптимальном.

Футляр выполняется из листового алюминиевого сплава марки АМЦ. Он представляет собой прямоугольную коробку с крышкой и с габаритами, несколько превышающими габариты сложенных в один ряд ваших катушек. Такой футляр удобен еще и тем, что в него кроме катушек можно положить запас лески, грузила, крючки, поводки — короче, все, что рыбак сочтет нужным при наличии там свободного места. Кстати, АМЦ можно заменить трех-пятимили-

метровой фанерой. Однако в этом случае будет потеря прочности.

За годы, проведенные мною на льду с жерличками, я повстречал и другие конструкции футляров не менее оригинальных и остроумных, хотя в техническом исполнении несколько замысловатых. Сам же я (сапожник всегда без сапог) не счел ничего лучшего, чем упаковывать катушки в крепкий полиэтиленовый пакет, помещаемый затем в центр рюкзака и обкладываемый со всех сторон мягкими предметами моей амуниции, как-то: рукавичками, шарфом, плащом и т. д. В последние годы я встречал рыбаков, едущих на лед в легкой обуви, валенки же при этом бывают помещены в рюкзак. Уверен, что они не догадываются в тот момент о еще одном великолепном предназначении своего груза. А именно: положить туда жерлички, поплавочные удочки, термос... Дальше можно не продолжать.

СОПУТСТВУЮЩИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Зимой прежде чем добраться до воды, чтобы опустить туда снасть, надо немного поработать, то есть, как говорят рыбаки, проткнуть дырочку. В начале сезона, пока лед не достиг 100—120 мм, лунку несложно прорубить с помощью острой пещни. Одно плохо: грохот стоит, как при артобстреле. Но уже к середине декабря пещню можно смело убирать в дальний угол до весны, когда она потребуется скорее для безопасности передвижения по рыхлому льду, чем для рубки лунок, которых и так будет насверлено по всей площади водоема великое множество.

С образованием ледяного панциря толщиной свыше 150 мм за дело принимается ледобур. Из всех разновидностей этого инструмента наиболее удачным следует признать шнековый коловорот (рис. 4), выпускаемый теперь уже петербургским заводом. Он достаточно легкий и экономичен, но, с точки зрения жерличников, да и, наверное, лещатников тоже, имеет один недостаток: радиус ножей всего 65 мм. Вот если бы он рассверливал лунку диаметром 160 мм — цены бы ему не было. Также имеется в продаже шнековый ледобур, рассверливающий лунку до 180 мм в диаметре, однако

он тяжеловат, особенно если учесть, что от базы до места ловли приходится иногда уходить за пять-шесть километров; кроме того, им очень трудно работать по толстому мокрому льду. На пробуривание десяти лунок в январе — феврале у рыбака уйдет около часа драгоценного времени и масса энергии, поэтому ни о какой разведке участка ловли с помощью подобного инструмента не может быть и речи — руки отсохнут. В результате вышеприведенных недостатков некоторые активные рыболовы делают сами или покупают на московском Птичьем рынке шнековые ледобуры, изготовленные из нержавеющей стали и прочных легких сплавов. Разумеется, цена их в два-три, а порой и в четыре раза выше государственной, но однажды купленный такой коловорот будет служить всю жизнь. Доля риска при купле-продаже с рук, правда, есть. Можно заплатить высокую цену, приехать на водоем, а ножи в результате неточно выбранного угла их крепления к буру будут скользить по льду, как по стеклу. Такое случается, и уж тогда, ругая на чем свет стоит предприимчивого торговца, проклиная свою доверчивость, зашвырнет рыболов «колодырь» куда-нибудь подальше в сугроб. Но остыв, откопает и отнесет в ближайшую субботу на «Птичку», конечно, не в надежде встретить изготовителя, а в надежде выручить уплаченные ни за что, тайком припрятанные от жены деньги, рекламируя товар приблизительно следующими словами: «Идет, как в масло, бери — не пожалеешь».

О глубомере (рис. 5) распространяться долго не буду, ибо назначение и конструкция его вам хорошо известны. Скажу лишь, что зимой глубомер даже более необходим, чем летом, поскольку стационарные зимние жерлицы необходимо устанавливать в конкретных местах, большей частью с наличием перепада глубин. Грузик отливается из свинца в нержавеющей десертной ложке, его вес — 100 г.

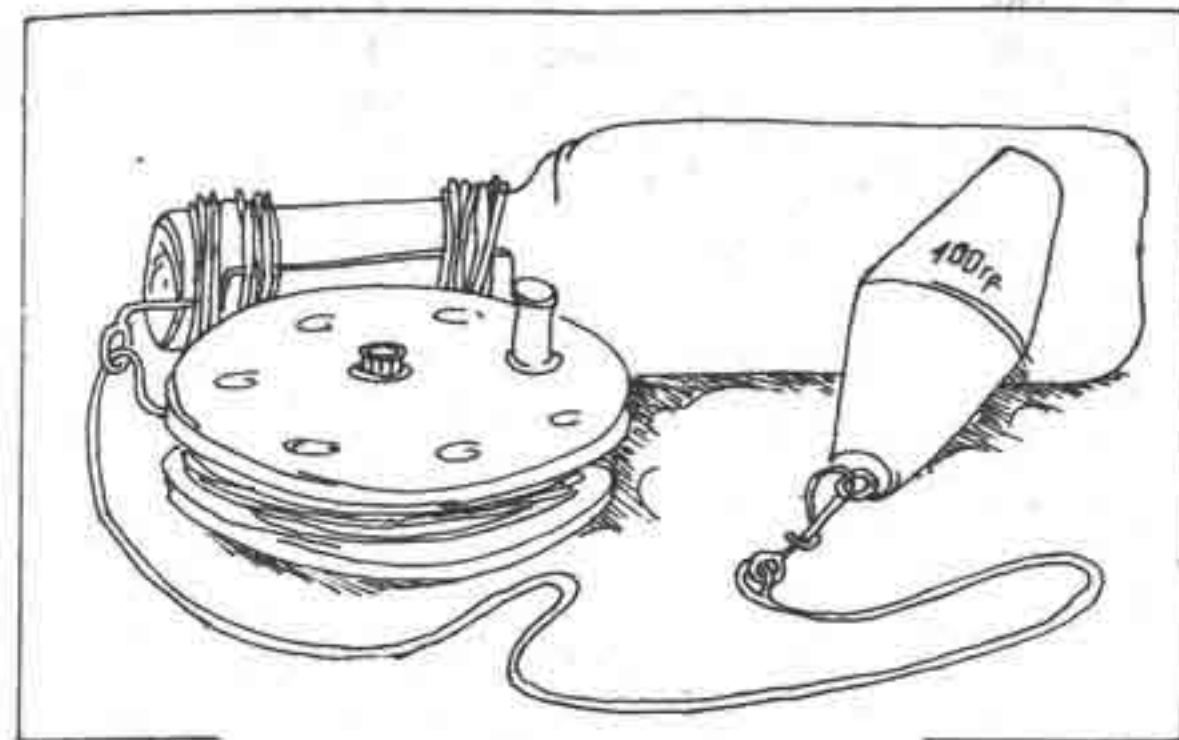

Рис. 5. Глубомер

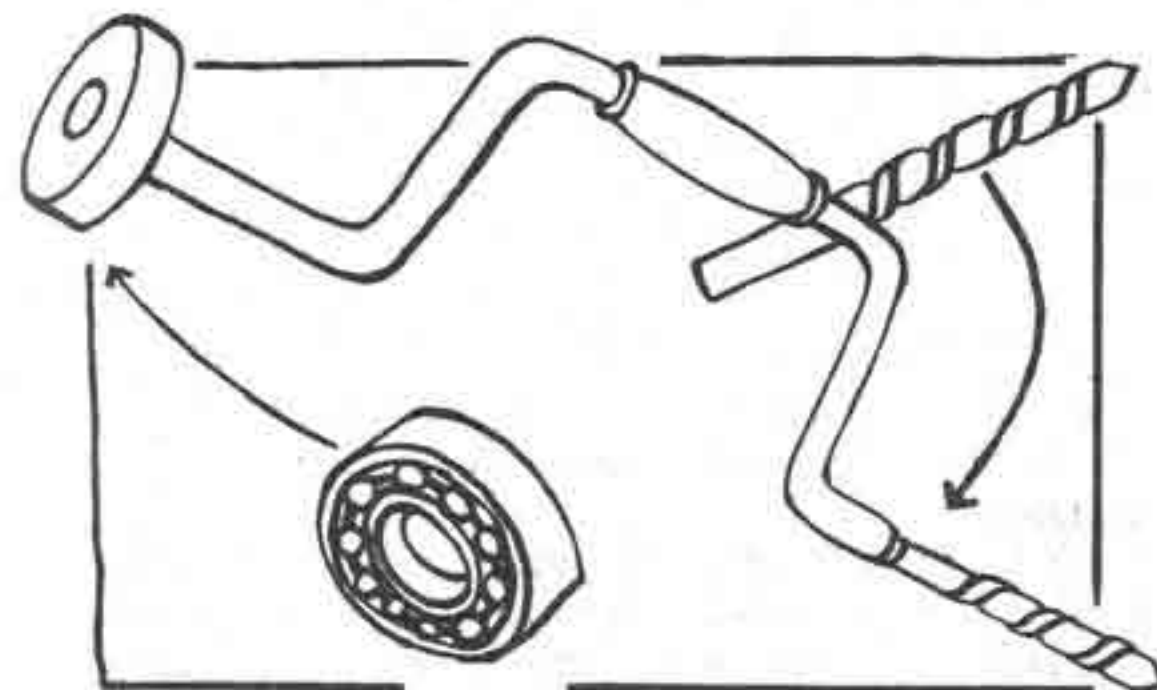

Рис. 6. Буравчик

Следующей необходимой принадлежностью является небольшой буравчик (рис. 6), сделанный из согнутой стальной трубки, в верхний конец которой запрессован вышедший из употребления шарикоподшипник, к нижнему же концу припаяно медью десятимиллиметровое старое сверло длиной 70 мм. Применяется он в начале и конце зимнего сезона для крепления стойки жерлицы. По перволедью зачастую снега на льду не бывает, так что нагрести сугробик для постановки снасти нет возможности, а по последнему льду хоть и можно использовать крошенную ледяную труху, образовавшуюся от сверления лунки, да только дном пригреет весеннее солнышко дюралевую стойку, и поползет она вперед, пока не упадет совсем. Во всех этих случаях выручит буравчик.

Для более успешной ловли на жерлицы все лунки необходимо засыпать рыхлым пушистым снегом, образуя сугробик высотой чуть ли не под катушку. Делается это по двум причинам: во-первых, на мелких местах рыба засвеченных участков избегает, и к тому же при вываживании хищник спокойнее подходит к затемненной лунке, во-вторых, засыпанная снегом лунка не замерзает даже в сильные морозы, не препятствуя тем самым при хватке свободному сходу лески с катушки. В малоснежные зимы, особенно в начале сезона, нагрести ногой нужное количество утеплителя довольно сложно, а вот кусок трехмиллиметровой, пропитанной олифой фанеры размером 200×200 мм выручит. На случай бесснежного льда после сильных оттепелей небесполезно иметь в рюкзаке большой полиэтиленовый пакет, вроде тех, что используются как тара под химические удобрения. Если берег находится неподалеку, после установки жерлиц надо не полениться и сделать с этим пакетом два-три рейса за снегом, только собирать следует исключительно рыхлый и сыпучий, равномерно засыпая им лунку с горкой, не забывая отслеживать остальные снасти.

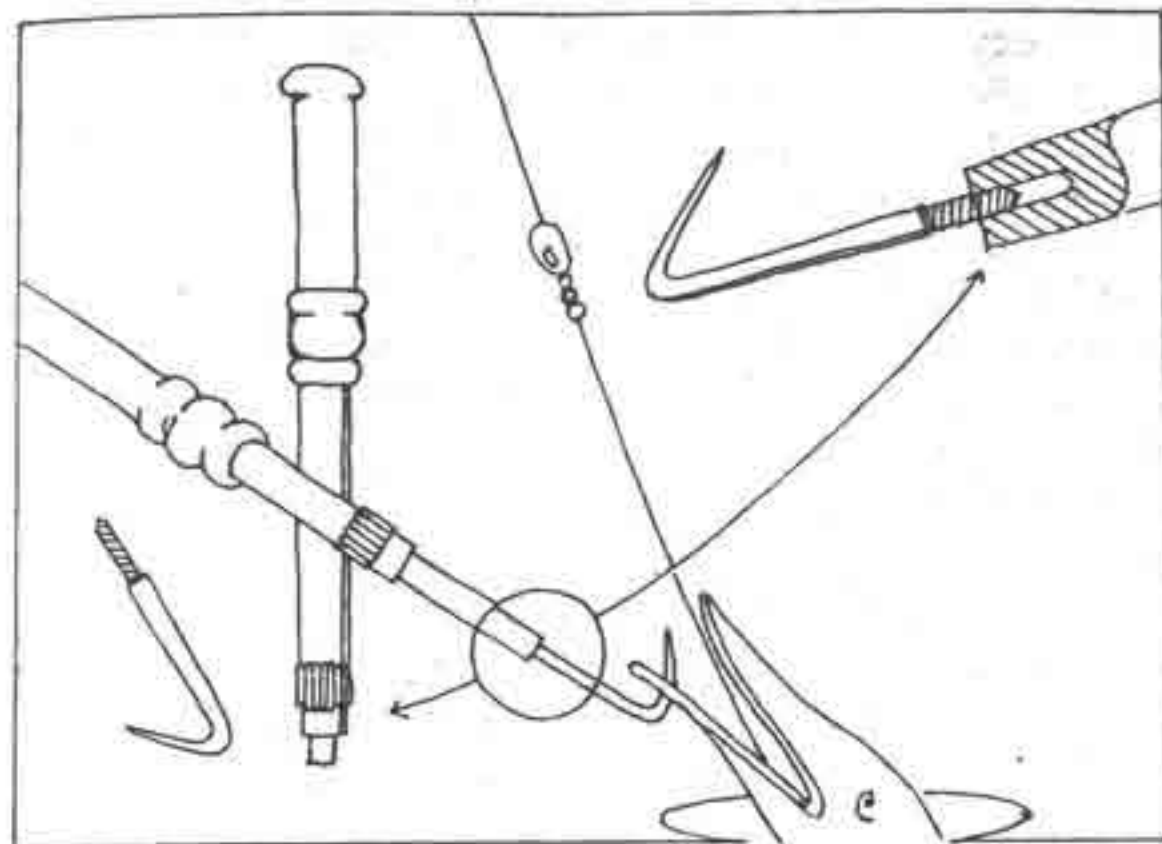

Рис. 7. Багор

При вываживании хищника, особенно крупного, без багра не обойтись. Практически у каждого серьезного рыболова, даже не жерличника, в арсенале рыболовных принадлежностей всегда имеется крюк, сделанный из трех-четырёхмиллиметрового прутка нержавеющей стали, с остро наточенным отогнутым в противоположную сторону от цевья жалом.

Крюк ввинчивается на резьбе в восьмимиллиметровый дюралевый стержень длиной до полуметра, на верхний конец которого насажена теплая рукоятка, сделанная из пенопласта или из дерева.

Эта конструкция (рис. 7) наиболее легко изготавливается и находит широкое применение у рыбаков-зимников. Безусловно, крюк, ввинченный в глухой конец телескопической штанги, будет намного удобней и эстетичней, но моя цель — донести до любителя основы, так сказать, азы ловли на жерлицы, а уж сметливый рыболов впоследствии до всего дойдет сам. При

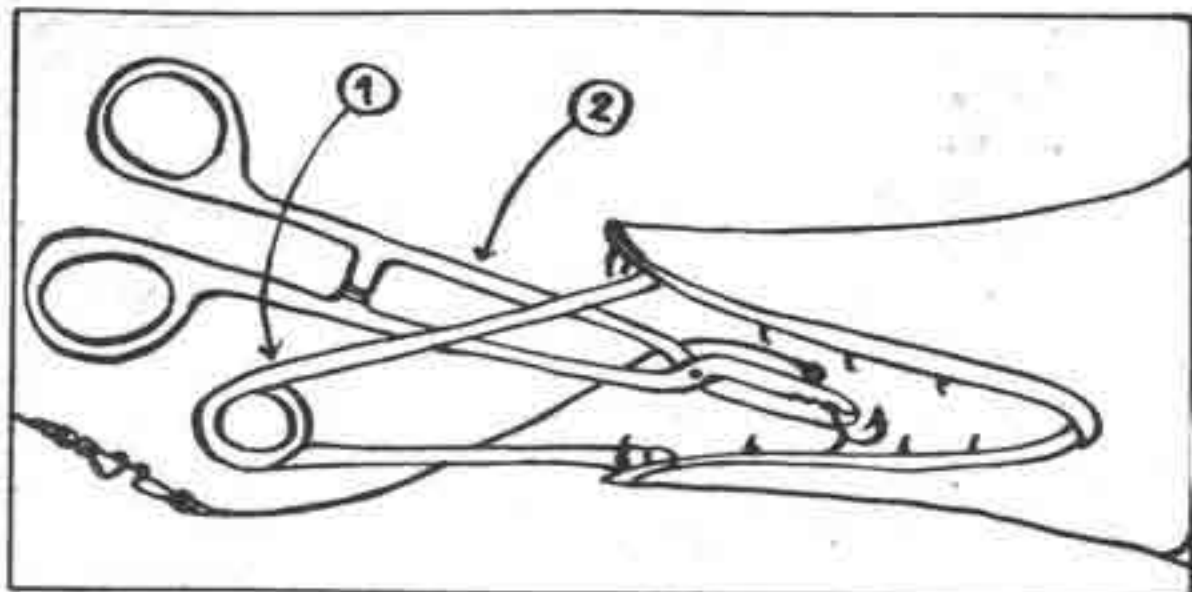

Рис. 8. Зевник (1) и хирургический зажим (2) для извлечения крючка из пасти хищника

невозможности самому изготовить багорик его свободно можно купить в любом рыболовном магазине, наточив жало до остроты швейной иглы так, чтобы поставленный на ноготь большого пальца конец жала при легком покачивании оставался бы на месте, а не скользил.

Для освобождения крючка из зубастой пасти хищника служат зевник и хирургический зажим (рис. 8).

В связи со свободным появлением в торговой сети широкого ассортимента рыболовных ледобуров, пешня стала употребляться сравнительно редко, большей частью по первому и последнему льду, хотя нет-нет да и услышишь, как рыболов, подбагрив крупную добычу, не влезающую в лунку, орет на весь водоем истощенным голосом: «Пешню!!!» Но окружающие лишь сочувственно посмотрят и вздохнут: «Отпускай». Я был свидетелем, как на Истринском водохранилище, не желая упускать очень крупного судака, жерличник оставил на льду своего приятеля удерживать на багр рыбку, сам же побежал, как хороший рысак, на базу, до которой было километра полтора. Выпросив у кочегара пешню, служившую тому для размельчения в

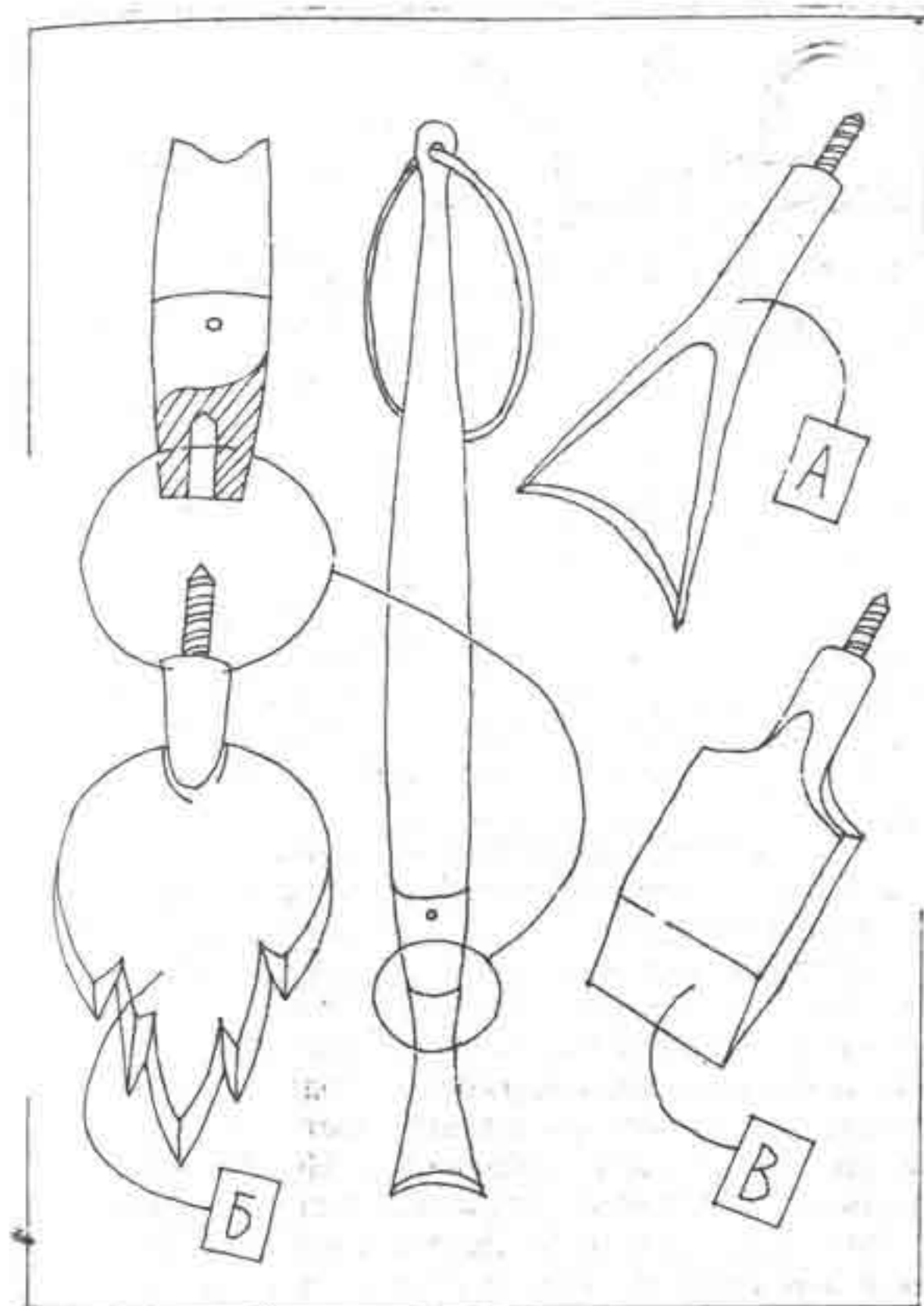

Рис. 9. Пешня и различные виды наконечников: А — лопаточка; Б — фигурная; В — долото

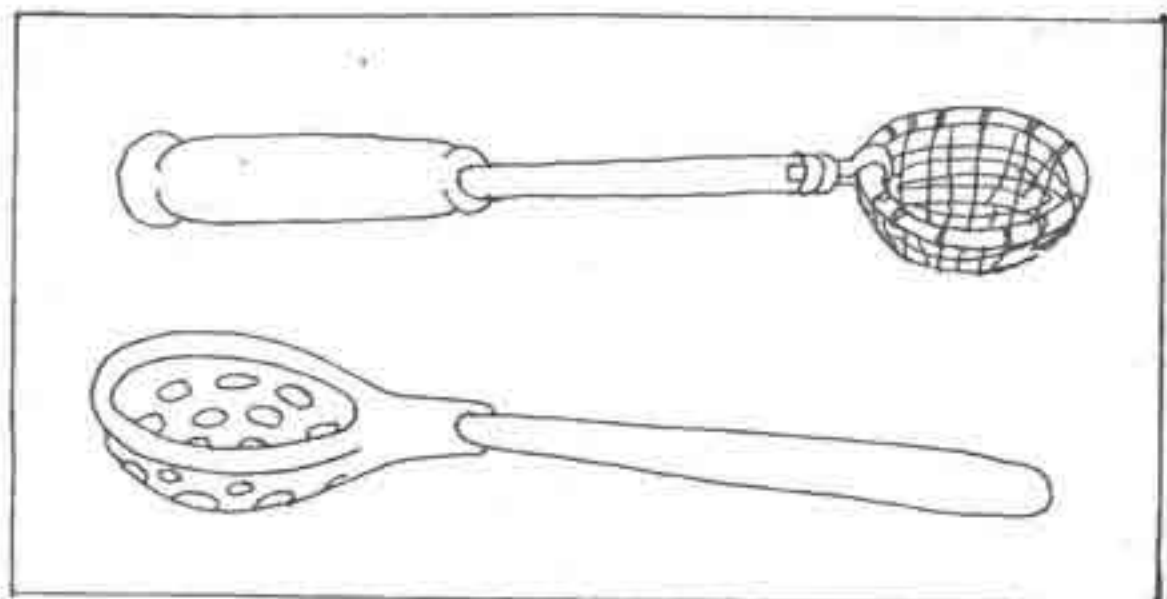

Рис. 10. Черпаки для очистки лунки

зимнее время угля, наш рыбачок, обильно поливая снег потом, разрубил лунку размером с ведро и с ликующим воплем: «Победа!» — выволок на багре такого красавца, что все только ахнули. Разумеется, каждый раз возить с собой пешню в паре с ледобуром в надежде на подобную ситуацию неразумно, но если жерличник в течение всей зимы постоянно ловит в одном и том же месте, тогда уж не лишне будет на всякий случай в начале сезона привезти с собой этот инструмент и хранить его или на базе, или закопать в снег на берегу, неподалеку от места ловли.

Сама пешня делается разборной из двух частей: деревянной рукоятки и наваренной электросваркой на стальной стержень лопатки. Лопаточка по своей форме может быть различной (рис. 9), но непременно всегда должна быть остро наточенной ее колющая кромка. Изготавливается она из куска рессорной стали, который несложно спросить в любом гараже, а то и просто найти на дороге. Кромка затачивается всегда от условного центра прорубаемой лунки к ее окружности.

Кроме того, жерличнику в своем арсенале необхо-

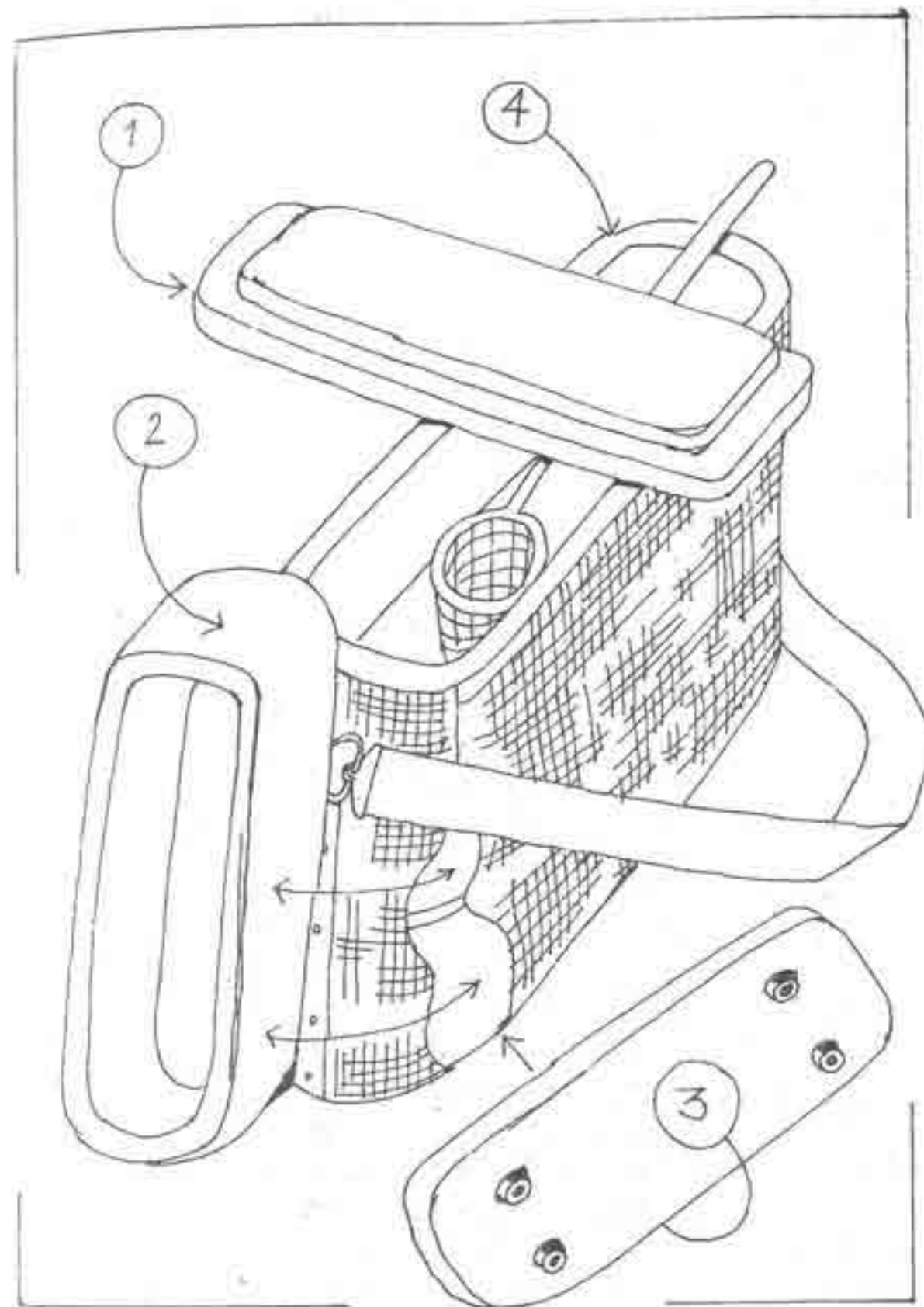

Рис. 11. Пенопластовая канна:

1 — крышка; 2 — секция канны; 3 — днище с резиновыми присосками; 4 — канна в сборе

димо иметь мини-пешню для подрубания краев застывшей лунки и освобождения стойки жерлицы, что необходимо в сильные морозы. В качестве такого инструмента вполне подходит широкая столярная стамеска, которую просто полезно возить в своем рюкзаке.

Необходима при зимней ловле и шумовка, наподобие той, которой хозяйки во время варки супа снимают пену (рис. 10). В любом магазине «Рыболов-спортсмен» имеются в продаже два типа шумовок: отштампованные из анодированной стали в виде блюдечка и сетчатые, сделанные из миллиметровой стальной проволоки. Вторые намного хуже, так как быстро выходят из строя. В мороз на шумовку налипает много льдинок, мешающих очищать лунку от наледи, поэтому по мере их намерзания рыболовы обстукивают свои черпаки о какой-нибудь твердый предмет. В результате подобных операций все покупные шумовки, и в первую очередь сетчатые, живут весьма недолго. Особенно досадно будет, если тот инструмент сломается в самом начале рыбалки: придется чуть ли не руками выгребать стружку после сверления лунки, а это не совсем удобно — руки замерзнут. Чтобы избежать таких неприятностей, рыбаки делают шумовки сами из листа нержавеющей стали сечением 1—1,2 мм. Вырезают круг диаметром 100 мм, высверливают в нем нужное количество отверстий семимиллиметровым сверлом и выколачивают молотком по форме мелкого блюдца. После этого черпачок приклепывают к десятимиллиметровой дюралевой трубке длиной до полуметра, на верхний конец которой надевается пенопластовая рукоятка такого размера, чтобы случайно нырнувший в воду черпачок не смог утонуть. Такая шумовка очень удобна, ее можно использовать порой вместо мини-пешни. Кроме того, она довольно емкая. Достаточно сделать две-три манипуляции, и свежесверленная лунка оказывается чистой.

Летом живца можно держать практически в любой

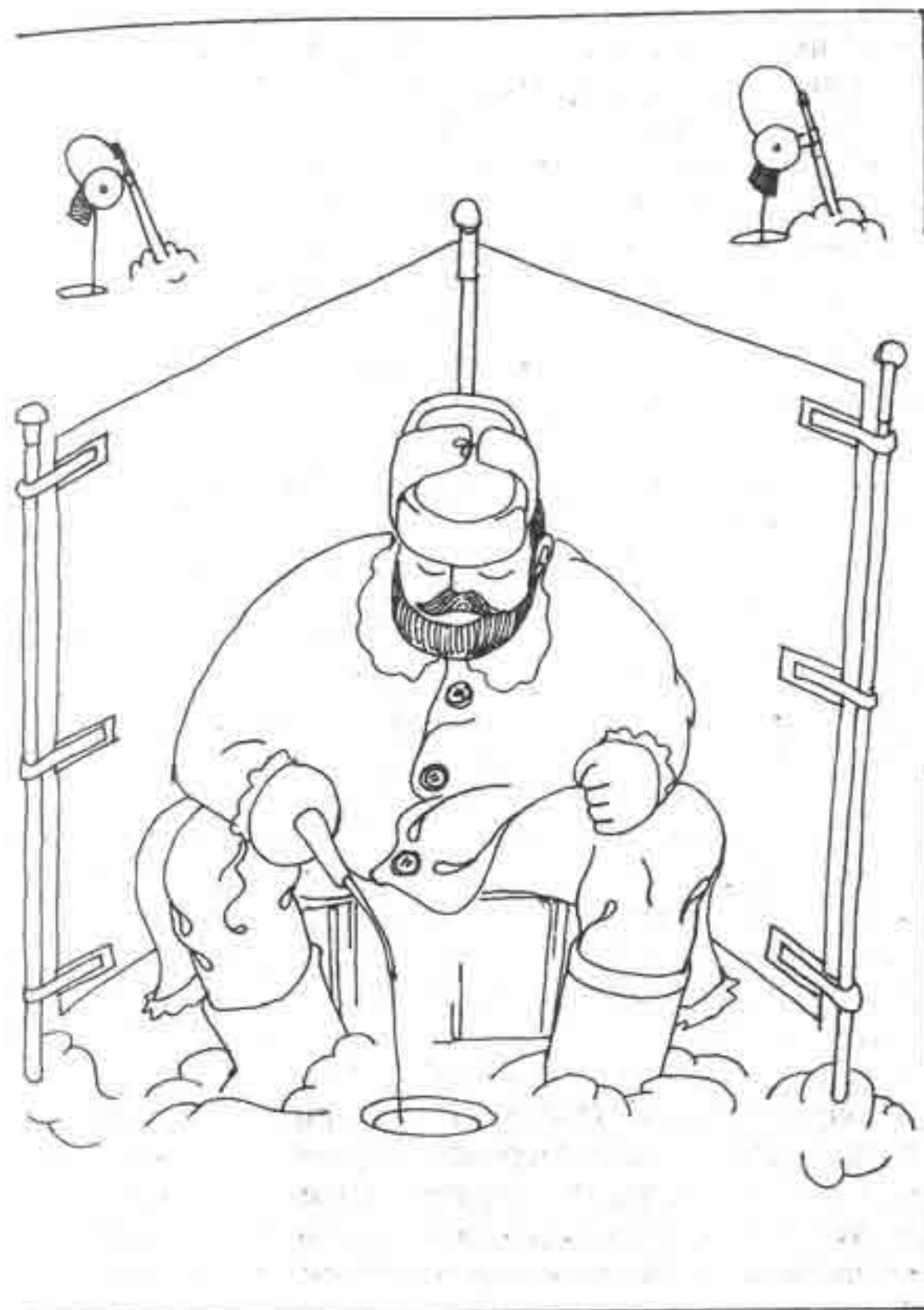

Рис. 12. Простейшее пленочное укрытие от ветра

посуде, лишь бы она была вместительной. Зимой же ситуация меняется. Безусловно, в теплые зимы и особенно по последнему льду подойдут металлические канны (в сильный мороз емкость можно в снег закопать, чтобы вода не замерзала), но в любом случае зимой на металлической поверхности не посидишь без тяжелых последствий для своего здоровья. Поэтому лучше всего пенопластовая канна, склеенная из овалыновыпиленных секций эпоксидной смолой (рис. 11). В нем и вода не мерзнет, и сидеть на нем тепло. Если же рыбацкая вылазка рассчитана на несколько дней, то нет необходимости тащить канну по окончании первого дня ловли на базу. Разумнее всего будет, если вы ее на ночь закопаете в глубокий снег где-нибудь под берегом, предварительно оглядевшись по сторонам — не подглядывает ли кто. Утром, придя на место, убедитесь в целостности и сохранности не только канны, но и всех живцов.

Помимо всех перечисленных достоинств пенопластовая канна служит великолепным спасательным средством в случае провала рыболова под лед. В этом я лично убедился, когда на подмосковной речке Пахре ввалился в занесенную снегом полынью. Благодаря канне, висевшей за спиной в рюкзаке, мне удалось остаться на плаву, а затем самостоятельно выбраться на лед.

Выпиливаются секции канны лобзиком из листового пенопласта сечением 50 мм. Шести секций будет вполне достаточно. Далее они поочередно склеиваются эпоксидной смолой, смешанной с просеянными древесными опилками. Склеенную коробку изнутри зачищают сначала крупной наждачной бумагой, а затем — мелкой. После этого приклеивается тем же составом дно, к которому снизу прикручиваются шурупами, смазанными смолой, резиновые ножки. Наружная сторона канны и ее дно обклеиваются с помощью смолы тонкой стеклотканью, окрашенной затем в

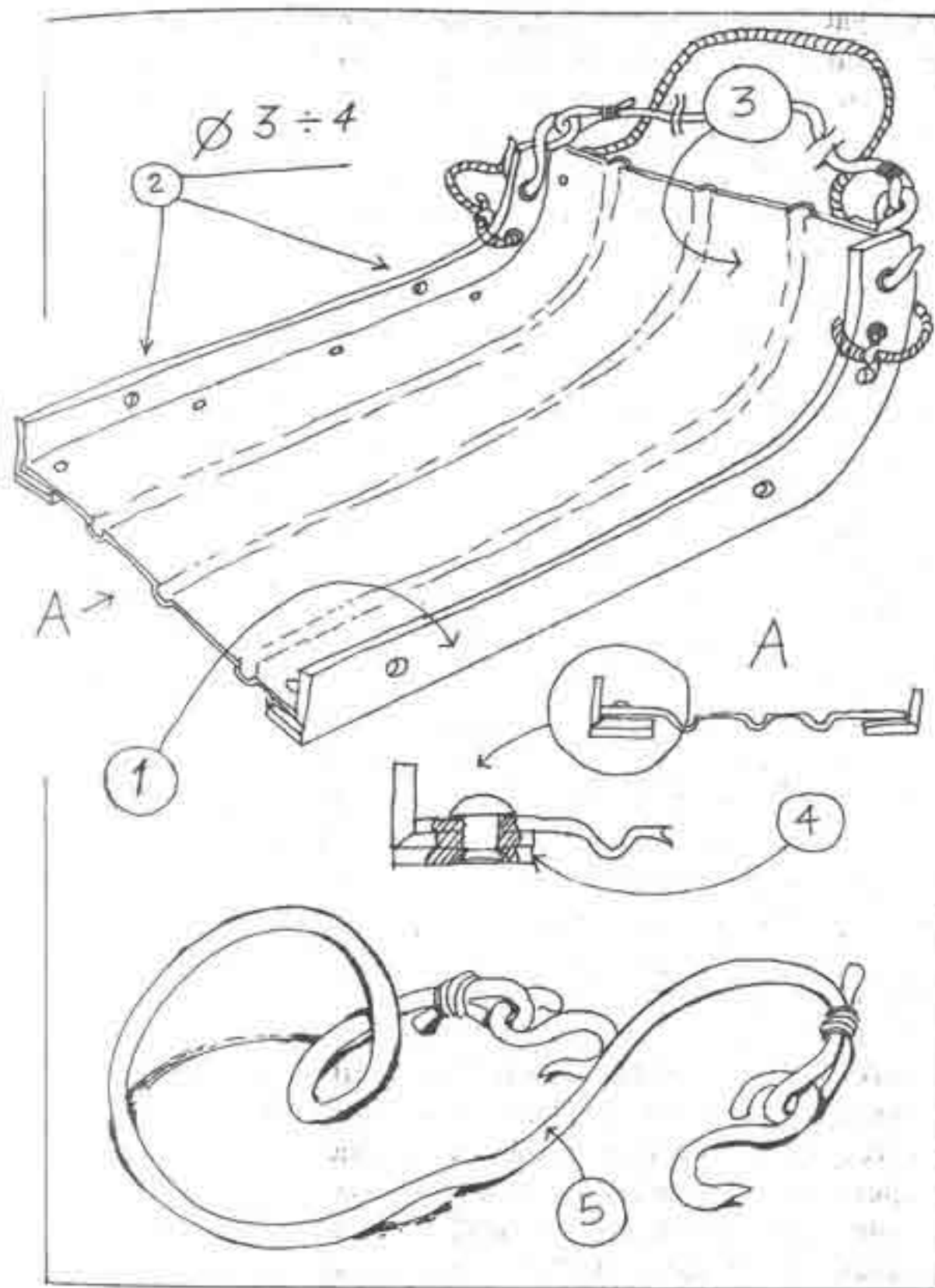

Рис. 13. Одна из конструкций санок для рыболова:
1 — металлические полозья; 2 — отверстия для крепления груза; 3 — изогнутый корпус санок из дюралюминия; 4 — способ крепления корпуса к полозьям; 5 — буксировочный шнур

любой темный цвет масляной краской, — это предохранит нежные пенопластовые стенки от случайных выбоин в моменты перевозок. С боков на всю высоту коробки прикручиваются дюралевые полосы шириной 20 мм, оканчивающиеся наверху петлями для крепления ремня. Крыша делается накладная, также из пенопласта, сверху оклеенная толстым дерматином. И, наконец, к петлям пристегивается укороченный хлопчатобумажный ружейный погон (ремень для ружья). Все, канна готова. Перед выездом на ловлю не забудьте положить в нее небольшой сачок для живца.

Еще о двух вещах, применяемых рыболовами-зимниками. Случается порой ловить на плесах, продуваемых со всех сторон холодными ветрами. Даже в небольшой мороз ветерок, дующий в спину в течение нескольких часов, проберет так, что никаким чаем не согреешься. А стоит прихватить с собой на рыбалку кусок полиэтиленовой пленки размером $2 \times 1,5$ м, и ветра как не бывало. На высоте 1,5 м с краев на пленку в трех точках наклеиваются куски липкой ленты, к которым пришиваются петли из бельевой резинки. Стойки делаются из 12-миллиметровых дюралевых трубок высотой 1,8 м, распиленных на три равные части, соединяющихся между собой с помощью деревянных или дюралевых бушей (рис. 12). На верхнем конце стойки приклепан маленький крючок, не дающий пленке сползать вниз. Сборка такой стенки занимает всего несколько минут.

Санки. Сколько раз выручали они рыбаков, отправляющихся в дальние поездки, когда от станции до водоема — расстояние километров десять, а номер рейсового транспорта, соединяющего две конечные точки, — одиннадцатый. В рыболовных журналах и альманахах за прошлые годы вы отыщете эскизы нужной вам модели. Если же не найдете — придумайте сами, а если не придумаете — позаимствуйте на время у своего сына или внука.

Об экипировке рыболова-зимника говорить не стану. Во-первых, до меня многие уже писали, а во-вторых, вряд ли найдется человек, который в январе месяце отправится на рыбалку в трико и легких полуботинках. Хотя, впрочем, не уверен. Ведь купаются же люди зимой в прорубях.

ЖИВЦЫ

В любое время года, на любом водоеме, даже в болотистых озерах пескарь в качестве живца прочно удерживает первенство. Для первоledья этой наживкой необходимо запастись заранее, еще по открытой воде, сохраняя в просторной посуде в холодном месте. В этом отношении проще жителю сельской местности, так как проблема хранения живца для него полностью отсутствует. Сделав из мелкой металлической сетки просторный садок, он опускает туда запас пескарей, плотвы и др. и затапливает его где-нибудь в потаенном месте неглубокого бочажка чистой речки или в проточном пруду. По мере надобности он достает садок со дна тонким багориком, сделанным из гвоздя-сотки, укрепленном на длинном шесте.

Жителю крупного города приходится держать живца на балконе. В холодное, но не морозное время рыбки неплохо живут в широком бельевом тазу даже без подкачки воздуха, поскольку за счет большого зеркала воды воздухообмен проходит интенсивно. Необходимо лишь помнить о том, что открытым способом живца хорошо хранить при температуре воздуха от плюс 1° до плюс 7°. При возможности паде-

ния столбика термометра в минусовую область надо немедленно перелить всех живцов в пенопластовую канну.

С установлением льда стаи пескарей уходят с песчаных отмелей и перекатов в глубокие места речного русла, где течение замедленное, и продолжают более или менее активно клевать на зимнюю поплавочную удочку, наживленную парой-тройкой мотылей. Снасть для ловли пескаря подбирается тонкая: леска 0,12—0,15 мм, грузило скользящее весом 8—10 г, крючок № 3—3,5 с длинным цевьем. Пескарь, как правило, клюет жадно, и если рыболов обнаружил стаю, то в течение часа он сможет выловить 30—40 штук первоклассной наживки. При ловле пескарей прикормку обычно не применяют: достаточно выше места ловли взмутить донный грунт шестом, как на шлейф мути подойдут стайки рыбешек. В некоторых случаях полезно бывает опустить на дно в маленьком тряпочном мешочке небольшую кучку раздавленного мелкого мотыля. Пескари очень чутко реагируют на быстро распространяющиеся в воде кровяную мути и запах, поэтому с помощью подобного нехитрого приспособления можно подманить к себе рыбу, находящуюся за десятки метров ниже по течению.

Три десятка пескарей, посаженных в 10-литровую пенопластовую канну, выставленную зимой на балкон, могут прожить без подкачки воздуха и без пищи с месяц и более. При среднесуточной температуре воздуха до минус 10° через двое суток на трети канну надо вносить на ночь в тепло, если же за окном мороз от минус 15° и ниже, то канна ставится в тепло каждую ночь, а на день — обратно на балкон.

Кормить пескарей следует очень малыми порциями мелкого мотыля, но, на мой взгляд, лучше от этого воздержаться, ибо случайно перекормленные живцы могут погибнуть. Ради научного интереса я держал в канне одного крупного пескаря без пищи и без смены

воды с марта по май. К середине мая пескарь все-таки заснул то ли от голода, то ли от теплой воды, поскольку на улице уже зацветала акация.

Плотва зимой в качестве наживки ценится жерличниками почти столь же высоко, как и пескарь. В холодной воде, посаженная на крючок за спинку, она превосходно живет два-три дня или пока не будет схвачена хищником. Но наловить нужное количество плотвичек перед самой постановкой жерлиц порой очень сложно, и поэтому ехать на рыбалку без живца в надежде наловить его на месте довольно рискованно. Еще неделю назад стайки плотвы постоянно ходили по отмели, а сегодня в течение дня в том же месте можешь не увидеть ни одной поклевки. Зимой плотва, видимо, от изменений атмосферных условий частенько мигрирует с отмели в глубину и наоборот. Разумеется, на любом водоеме есть участки, где плотва обитает почти постоянно и клюет практически в любую погоду.

На Рузском водохранилище, в районе села Осташево, я несколько лет подряд ставил жерлицы, наживленные плотвичкой, которая регулярно ловилась на маленьком пятачке. А вот на Истринском водохранилище, например, можно потратить целый день, и, кроме окушков да ершей, не натрясешь ни одной плотвицы.

Пожалуй, это одна из самых коварных рыб. Едучи на плотву, никогда не бываешь уверен в стопроцентном успехе, даже в периоды последнего льда. Но несмотря на это, все же наблюдаются некоторые общие признаки вероятного клева этой рыбы и ее мест расположения. В начале зимы стайки мелкой и средней плотвы тяготеют к береговой зоне, где из песчаного дна произрастают летом стебли камыша и тростника и где еще сейчас можно пожить различными водными козявками. Задерживается она около родничков и речушек, впадающих в водоем, но по первому

льду искать там рыбу не рекомендую — опасно. Также не оставляет она без внимания неровности дна и затопленные прибрежные кусты, шныряя там всего под метровым слоем воды. Во всех этих характерных для плотвы местах, используя в виде прикормки панировочные сухари, толокно, сухую манку, выбрав sereneкий, теплый зимний день, когда дым из печных труб стелется над крышами, можно с успехом половить ее на маленькую мормышку или на легкую поплавочную удочку, наживляя пару мотылей или несколько личинок репейной моли. Разведку стоянок плотвы лучше проводить с помощью мормышки, а обнаружив ее и подкормив, в дело следует пустить поплавок. При затухании клева не забывайте опустить на дно маленькую порцию предварительно смоченных панировочных сухарей. Очень часто, пустив облако мути, сухари возвращают стайку плотвы на место. В середине зимы, когда начнет сказываться кислородное голодание, эта рыба отходит или в глубину, или в устья несущих в водоем свежую воду ручьев и речек. Клев ее в это время становится очень капризным, хотя опытные рыболовы, оснастив удочку тончайшей леской-паутинкой и нацепив на крючок крохотной мормышки мелкого мотылика или пару репейников, продолжают вытаскивать на лед серебристую рыбешку. С наступлением теплых весенних дней, когда мутные снеговые потоки с берегов устремятся под лед, стаи плотвы, глотнув кислорода и почувствовав в себе нарастающий с каждым днем древний инстинкт продолжения рода, объединившись в косяки, устремятся к местам нереста.

Начинается знаменитый весенний жор плотвы, продолжающийся вплоть до икромета. В это время на глубине 2 м в береговой зоне она ловится десятками на мормышку и поплавочную удочку на мотыля, репейника, опарыша и даже на катышки теста и плавленого сыра. Прикормку сейчас применять необязательно,

лучше при спаде активного клева поискать с мормышкой косячок где-нибудь поблизости, порой в 3—5 м от старой лунки. Весной поимка плотвы, как правило, не представляет проблемы, но частенько идет такая рыба, которая в качестве весеннего живца уже малоупотребительна, то есть от 100 г и выше. Но рыбаки в таком случае все же наживляют ее в надежде на не менее знаменитый, чем плотвиный жор, русский «авось».

При ловле щук в некоторых местах можно с успехом применять небольших окуньков. А в тех водоемах, где окунь является основным и чуть ли не единственным объектом охоты щук, разницы между пескарем и этой рыбкой почти не существует, разве что на окунька бывает побольше холостых выстрелов. Я умышленно упоминаю сейчас только щуку, ибо случаи поимки судака на окуня довольно редки. По моим наблюдениям, судак все же предпочитает именно прогонистого белого живца, хотя бывает, что не брезгует и ершами.

В большинстве случаев ловля мелких окуньков в первой половине зимы никакой трудности не представляет. Постоянно живя довольно большими стайками, они по перволедью легко обнаруживаются практически по всей береговой зоне на метровой глубине. Почти гарантировано пребывание косячков этой рыбешки на песчаных отмелях и откосах островов, а также возле зарослей сухого тростника и камыша. Окунь, пожалуй, единственный представитель всего семейства живцов, на которого можно уверенно рассчитывать, отправляясь на рыбалку за хищником с пустой канной. Просверлив лунки и установив жерлички, рыболов, вооружившись легкой снастью с маленькой мормышкой, отправляется к указанным местам и в считанные минуты налавливает нужное количество живца на первый заряд. Насторожив жерлицы, он опять возвращается к мормышке и в столь же корот-

кий срок наполняет канну необходимым запасом наживки.

Мелкие окуньки неплохо клюют весь сезон стояния льда за исключением периода глухозимья. В январе-феврале любого живца вообще лучше ловить на небольших спокойных речках, где ввиду пусть даже небольшого течения дефицит кислорода не ощущается так остро, как в водоемах закрытого типа. По последнему льду стаи окуней увеличиваются и начинают активно клевать почти повсеместно, а в отдельные дни наступает необычайный жор, когда с одной лунки за очень короткое время удастся выудить ведро рыбы, только успевай опускать мормышку.

Кстати говоря, зимняя ловля окуня производится исключительно на эту снасть. Я не упоминаю здесь зимнее блеснение, поскольку блеснильщики занимаются поиском солидных рыб, мы же сейчас рассматриваем окуня в качестве наживки. Живцовая зимняя удочка должна быть хорошо подогнана и сбалансирована по руке, так как амплитуды и частоты колебаний мормышки изменяются чаще, чем при ловле другой рыбы. Оснащается удильник чувствительным кивком из кабаньей щетинки, качественной леской сечением 0,08—0,12 мм и небольшой мормышкой. Форма ее особой роли не играет, а вот цвет оказывает на клев существенное влияние. В светлых и прозрачных водах окунь хорошо ловится на потемневшую свинцовую мормышку типа «Муравей», иногда окрашенную в черный цвет. Неплохой приманкой будет комбинированная мормышка «Овсянка», верхняя половина которой закрыта тусклой медной фольгой. В более темных водах, например в бассейне Волги, с большим успехом применяется светлая оловянная мормышка или свинцовая комбинированная с белой фольгой. Все, больше не вдаюсь в подробности, это не мой профиль, а литературы по ловле рыбы зимой на мормышку выпущено предостаточно.

Окунь, наживленный на крючок жерлицы, ходит весьма бойко, так что 70-граммовый живец может наделать за день множество холостых выстрелов. В связи с этим, на мой взгляд, оптимальным живцом будет окуnek весом в 30—40 г, не больше. И еще одна особенность этой рыбы: она всегда стремится уйти в любое укрытие, поэтому при ловле на коряжниках об этом никогда не следует забывать, периодически контролируя жерлицу подтягиванием лесы на полметра рукой. Убедившись, что зацепа нет, лесу отпускают. Такой маневр необходимо делать еще и по другой причине, не только при ужении в коряжистых местах. Но всему свое время.

На волжских водохранилищах и некоторых других водоемах хищные рыбы неплохо ловятся на ерша, которого порой несложно наловить тут же на песчаном ложе затопленного русла.

Ерши обитают в чистых и большей частью проточных водах, держатся всегда стаями на твердом песчаном дне, хотя не избегают и слегка заиленного грунта, где питаются в основном мелким мотылем. Почти всегда ерш встречается на дне купален, около вбитых в дно свай мостов, у причалов и стоящих на приколе дебаркадеров. Весной же во время нереста рыб подходит к берегам и продовольствуется легкой поживой — икрой. По этим причинам ершей следует признать сорной и даже вредной рыбой, если забыть об ухе. Но не о ней сейчас речь. Ловля ерша производится, как правило, на глубоких местах тяжелой вольфрамовой мормышкой или на легкие поплавочные удочки, наживленные парой крупных мотылей, а то и просто кусочком небольшого червя. Иногда он попадает вместе с окуньком на песчаных откосах островов и даже у тростниковых зарослей, хотя чаще всего травянистых мест избегает. Обнаружив стайку ершей, рыболов очень быстро налавливает нужное ему количество, но если искать его лень, можно подманить эту рыбу, как

и пескаря, опустив на дно прикормочницу в виде полотняного мешочка с раздавленным мелким мотылем.

Ерш не привередлив, и к качеству снасти относится почти безразлично. Но это, разумеется, не означает, что можно оснащать удочку толстой леской и крючком № 10. Оптимальное сочетание будет таково: леска 0,15 мм, крючок № 4 с длинным цевьем, грузило — пара дробинок и под них соответственно подбирается пенопластовый поплавок. При хорошем клеве 10—15 ершей можно наловить быстрее, чем читаются эти строки.

В середине зимы клев ерша ослабевает, да и то ловится в основном лишь подерщик или, как его в шутку называют, «адмирал». Наверное, многие из вас замечали, как он, вытасченный из лунки, изгибаясь, отдает честь хвостом. Отсюда и название такое солидное. К концу зимы стаи ершей выходят из глубин к песчаным откосам, грядам, устьям речушек, объединяясь к икромету в большие косяки. В это время ловится хороший, крупный ерш, так что некоторые рыбаки забрасывают все другие виды ловли и переключаются именно на него, но уже не с целью использования в качестве живца, а, наловив буквально мешок в известных только им одним местах, везут в столичные рестораны, где сбывают свой товар оптом по весьма высокой цене. И то — не в каждом ресторане увидишь в меню наваристую уху из свежих ершей.

Изредка на жерлицы сажают карасика и крупную верховку. Карась — рыба теплолюбивая, и поэтому в ледяной воде почти полностью теряет зачатки активности, вследствие чего становится малопривлекательной добычей для хищника. В глубоких малоосвещенных участках водоема щука и судак при отыскании добычи в первую очередь пользуются боковой линией — органом чувств, отдаленно напоминающим по своим функциям человеческие уши. Только этот орган улавливает волновые колебания водной среды, отсеи-

вая различные помехи и концентрируя свое внимание на колебаниях, издаваемых рыбами. Глаза в этих условиях служат второстепенным органом, позволяющим определить хищнику, приблизившемуся к источнику звука, съедобно ли данное существо. Зимой при очень малой освещенности даже верхних слоев воды глубоководный хищник полагается в основном только на боковую линию и чем бойчее будет живец, тем скорее загорится флажок. Это популярное объяснение строения органов чувств рыбы должно убедительно показать жерличникам целесообразность применения того или иного вида наживки.

Некоторые искушенные рыболовы могут меня спросить в отношении поимки хищников, в особенности судаков, на кусочки рыбы. Да, тут я поднимаю обе руки вверх, тут уж теория волновых колебаний водной среды применительно к боковой линии хищника терпит крах. Действительно, на некоторых водоемах и лично знакомом мне Белом озере, на берегу которого основан град Белозерск, местные рыбаки ловят судака и щуку, наживляя на крючки переметов кусочки белой рыбы. Ну, если бы на течении насаживать на крючок хвостик, скажем, пескаря, тогда еще куда ни шло — там поток воды постоянно двигает приманку, заставляя ее излучать колебания лопастью хвостового оперения. Но вот почему судак, уподобляясь налиму, подбирает со дна кусочки филе, когда вокруг полно другой поживы, трепещущей при поимке на зубах, — вот это непонятно. Может быть, в отдельных случаях в силу неизвестных нам причин зрение и обоняние у хищных рыб превалирует над органами слуха, переводя их из категории активных в разряд падальщиков. Наверное, так оно и есть. Я же толково и убедительно ответить на этот вопрос не сумею.

Читал я в одном альманахе «Рыболов-спортсмен» — не помню точно, за какой год, скорее всего конца семидесятых — статью, в которой описывались опыты

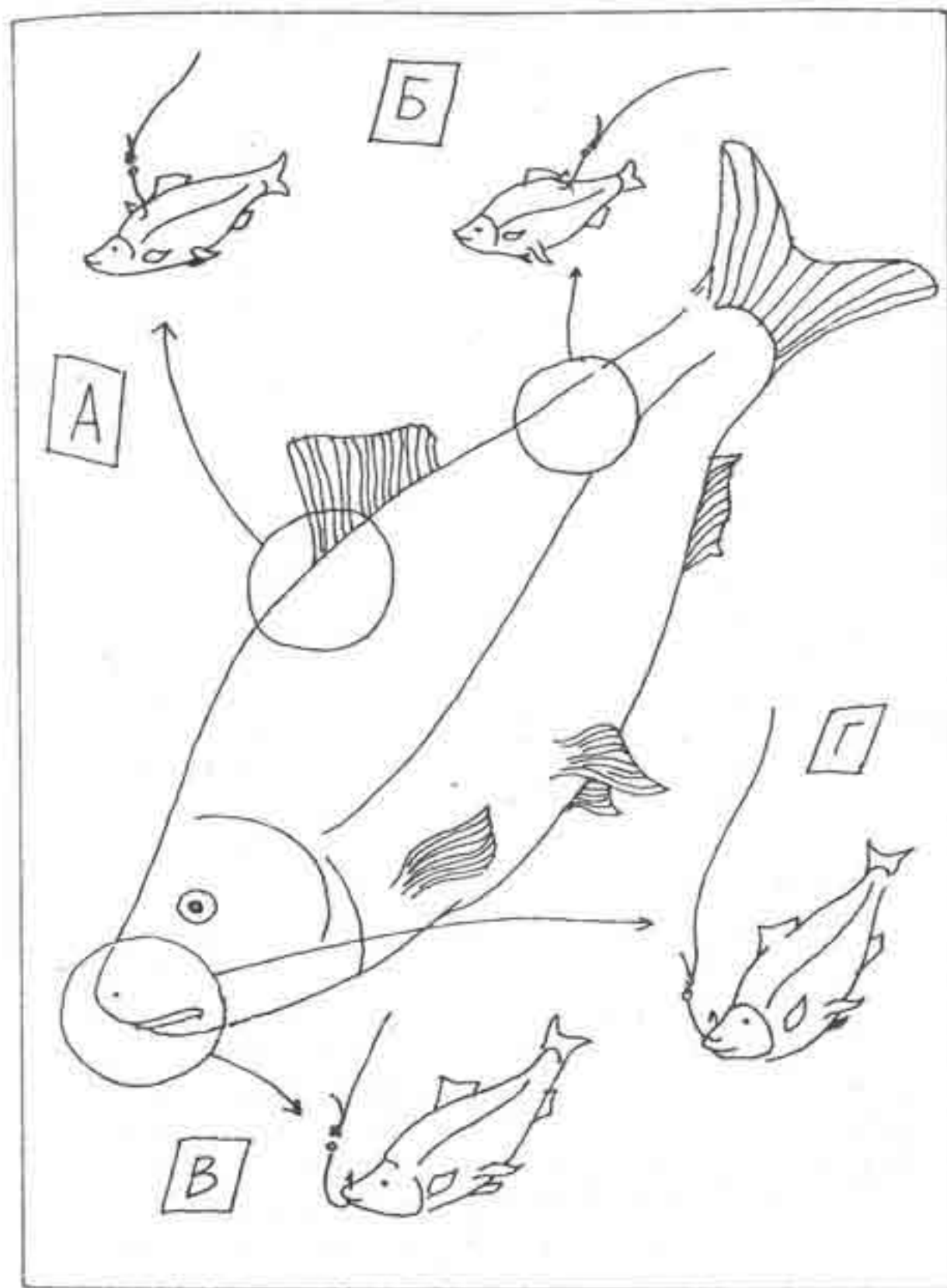

Рис. 14. Основные способы насаживания живца на крючок

некоего японского натуралиста по приручению щук кушать ни мало ни много... творог. Да-да, не улыбайтесь. Но это еще не все. Путем селекции нескольких поколений хищниц дрессировщик выработал у них помимо инстинкта потребления творога и некоторые полезные наклонности, в частности, ловлю в водоеме мелкой рыбы с последующим апортированием ее хозяину, подобно подружейной собаке.

А мы говорим — кусочки рыбы! На творог надо переходить! И все тут. Только вот какой лучше: городской в пачках или деревенский? Впрочем, на этот вопрос я предоставляю право ответить моим любезным читателям.

Но вспомним о верховке. По перволедью и последнему льду применять ее не следует, ибо вездесущий окунь замучает рыболова холостыми выстрелами. Иное дело — в середине зимы. В этот период рыба становится вялой и поговорка «большому куску рот радуется» будет сейчас неуместна. Именно на мелкого живца и, в частности, на крупную верховку в глухозимье меньше всего промахов. Разумеется, верховка, посаженная на небольшой двойничок за губу, своим маленьким хвостиком много не на шумит под водой, но уж если флажок подымет, то это, как правило, означает сидящего на крючке хищника, так как он очень редко выплевывает столь мелкую поживу. Некоторые щукари говорят, будто на такую «бибику» и хищник под стать ей будет ловиться. Отчасти они правы. Эти предположения справедливы для периодов активного поиска, но при вялом клеве верховка может выручить. Я сам был свидетелем, как в начале февраля 1979 г. на Рузском водохранилище мой приятель из одной лунки в течение дня выловил трех приличных щук именно на верховку. Там же по последнему льду я сбился со счета от бесчисленных холостых выстрелов, но ни одна плотва не была проглочена. И только после натурального обмена с одним закончившим ловлю жерличником —

моих плотвиц на его верховок — мне удалось подряд вытащить двух щук. Так что неспроста говорят: «мал золотник, да дорог». И, наконец, последнее замечание начинающим жерличникам, прежде чем я приступлю к описанию техники ловли.

Многих новичков сразу же привлекает заманчивая ловля крупной рыбы. Это естественно. Но сначала надо как следует научиться ловить ершей да пескарей, потом белую рыбу, а уж затем переходить на хищника. Только в такой последовательности рыболов сможет, разумеется, используя опыт своих старших товарищей, освоить технику ловли, шире познакомиться с биологией и повадками рыб и впоследствии завоевать признание коллектива, именуясь уважительным словом — рыболов.

ЛОВЛЯ ЩУК

Несомненно, самый лучший клев этого хищника случается по первому льду и продолжается с постепенным спадом в зависимости от погодных условий до наступления нового года. В мягкие, теплые зимы, когда дни с легким морозцем перемежаются непродолжительными оттепелями, щука неплохо ловится в течение всего сезона. Я замечал, что на ее активность в какой-то мере влияют атмосферные осадки. Летом, например (по частным сведениям), при приближающихся раскатах грома клев достигает чуть ли не жора, мгновенно обрываясь с первыми каплями дождя. Зимой же, в безветренную мягкую погоду, стоит крупным пушистым снежинкам закружиться в воздухе, как жерлицы, молчавшие до сих пор, оживают. Но не следует, повторяю, принимать все это как бесспорный факт.

Даже в период перволедья бывают дни с казалось бы внешними благоприятными факторами, а щука не берет, хоть ты тресни. И все же из многолетних наблюдений в зимнее время четко прослеживается тяготение активной деятельности хищника к сереньким мягким дням с чуть заметным юго-западным, западным

ветерком, устойчивым давлением 740—745 мм и небольшим кратковременным снегопадом.

В ясную морозную погоду щука тоже поклевывает, но намного хуже. Неопровержимо доказано влияние атмосферных условий и в первую очередь изменение давления на активность всех рыб, особенно зимой, из-за появления мембраны в виде ледяного покрова на границе двух сред, но вот объяснить зависимость клева щуки от снегопада пока не могу. Подозреваю, что в этот момент атмосферное давление незначительно падает и хищник улавливает его.

Ловля на зимние жерлицы начинается с небольших озер, прудов, подпруженных речушек и заливов водохранилищ, так как именно эти водоемы и их участки в первую очередь покрываются надежным льдом, увеличивающимся при устойчивом морозе минус 10° за каждые сутки на 2—3 см. Опытные рыболовы давно извели наиболее удачные места и посещают их из года в год, а вот перед новичками в этом отношении встает проблема: где располагать снасти? Несколько общих советов я могу дать, возможно, они первое время и будут служить ориентиром при выборе места на малоизученном небольшом водоеме.

Еще по открытой воде необходимо запомнить или лучше зарисовать в блокнот очертания береговой линии, расположение родников, оврагов, выходящих к воде, впадение речек, наличие в водоеме водорослей, состав прибрежного грунта. Очень полезно будет, воспользовавшись резиновой лодкой, глубомером прощупать интересующие участки дна и произвести замеры глубин, занося полученные сведения на схему и помечая наиболее характерные пятячки береговыми ориентирами. Бывалому рыболову, впервые приехавшему на малый водоем, достаточно внимательно осмотреться, пройти вдоль берега, и он почти безошибочно расставит жерлицы в уловистом месте, подчас даже не прибегая к помощи глубомера, приводя тем самым в

неописуемый восторг и изумление своих подопечных рыболовов. А секрета здесь никакого нет: рыба чаще всего держится около сужений или круто изломанных линий берегов, концентрируется возле небольших заливов бухт, не избегает по перволедью тростниковых и камышовых островков. Наличие на дне коряжников, всевозможных гряд и затопленных углублений грунта резко повышает вероятность скопления в таких местах щуки. На речках бывшие мельничные омуты в зимнее время привлекают мирных карповых рыб глубиной, тиховодьем и наличием корма. Те же, в свою очередь, привлекают хищников.

В первые дни ледостава щука на небольших подпруженных водоемах, характеризующихся средней глубиной 2—3 м, придерживается травянистых мест, где в это время еще держится всякая рыба мелочь. Но по мере отмирания и гниения водорослей перемещается на более чистые участки поближе к свежей струе, а если проточность водоема незначительна, залегает на самом дне придамбовой ямы, впадая в оцепенение. Возможно, что в теплые зимы она мало-помалу и передвигается в поисках скудного пропитания, только лучше уж с установлением льда на водохранилищах податься с жерличками именно туда.

И последнее по этому пункту. Заподозрив на малоизученном водоеме потенциальную стоянку хищника, сначала целесообразнее расположить жерлицы широким фронтом на расстоянии 5—8 м одна от другой и лишь при обнаружении систематических поклевов в одном конкретном месте группировать снасти в шахматном порядке уже на расстоянии 3—4 м. Вообще, на разведку лучше всегда ездить компанией, поскольку, застолбив район ловли 50—60 жерлицами, можно очень быстро обнаружить верные пятачки.

Спустя недели две, много три, после установления льда ловля на мелких водоемах становится скучной и скудной — сказывается дефицит кислорода, приводя-

щий к торможению жизненной деятельности подводных обитателей, зато на водохранилищах и больших озерах наступает лучшая пора для ловли всех рыб, в том числе и хищных.

Зимой на водохранилищах ловля щук на жерлицы производится в основном на тех же местах, что и при ловле летом на кружки. По первому льду ее можно встретить в зоне берегового свала небольших заливов на захламленном коряжником дне, там же, у кромки polegших на зиму водорослей, где продолжает еще шнырять всякая рыбешка, в нешироких горловинах впадающих в водоем речушек. Но во всех этих местах, разумеется, трудно рассчитывать на поимку солидного экземпляра, скорее всего здесь будут худо-бедно щелкать челночки. За матерым хищником надо идти на глубокие плесы с резкими перепадами глубин с площадки в русло, с лежащими на дне сваями бывших мельничных затворов и мостов. Не каждый перепад, не каждая бровка означают, что именно здесь затаилась желанная добыча. Чтобы ее найти, надо немало потрудиться, побегать, посверлить лед да скрупулезно померять глубину. Не раз и не два возвратится начинающий жерличник, самостоятельно осваивающий технику ловли, домой с пустыми руками, пока, наконец, не трепыхнется у него сердце от тугого хлопка загорающейся жерлицы, не перехватит дыхание, почувствовав в глубине крепко упирающуюся на лесе рыбу. Но сколько ликования, сколько гордости испытает он перед самим собой, осознав, что наконец-то это его трофей, его законный улов. Пусть это будет даже полукилограммовая щучка или такой же судачок, но это уже победа!

По первому прозрачному льду, особенно в самом начале его стояния, хищник забивается в глубокие русла водоема и, как правило, ни на что не берет. Происходит это, по-видимому, оттого, что с момента ледостава в подводном царстве устанавливается пол-

нейшая тишина, которая угнетающе действует на состояние рыб. Спустя непродолжительное время, освоившись с изменившейся обстановкой, хищники уже начинают выходить из своих укрытий, придерживаясь, однако, приграничных к руслам площадок. С этого момента и начинается успешная и увлекательнейшая подледная ловля.

Сейчас же позвольте мне, дорогие читатели, поговорить о самой технике постановки зимних жерлиц и непосредственно процессе ловли на них щуки.

На выбранном месте просверливаются лунки до тех пор, пока не обнаружится глубомером резкий перепад глубин. Скажем, вместо 6—7 м глубомер вдруг показал 10 м, значит, вы наткнулись на затопленное русло речки или какой-нибудь овраг. Теперь необходимо найти бровку, то есть границу резкого перепада дна — именно здесь чаще всего и случаются поклевки хищника. Найдя таким образом искомый участок, приступают к установке жерлиц. Попутно позволю себе одно замечание: поиск участка ловли и размещение снастей желательно производить еще затемно, чтобы к полному рассвету все было закончено. Всегда следует учитывать, что щука в темное время суток практически не ходит, а значит, и не питается; а наиболее активный клев судака наблюдается зимой именно в рассветную и предрассветную пору.

Итак, определив линию бровки (наиболее перспективным местом является крутоизломанный скат русла, резкий его поворот, точка слияния двух затопленных речек), начинают устанавливать жерлицы, так, чтобы живец находился над площадкой в непосредственной близости от бровки. Строгих правил расстановки нет — это дело вкуса рыболова. Можно сначала установить всю партию без зарядки живца, а затем поочередно наживить и насторожить, можно и наоборот — сразу настораживать каждую отдельно подготовленную снасть. Последнее мне кажется целесообразней,

так как, случается, при подготовке, скажем, пятой жерлицы первая уже выстреливает. При ловле на прирусловых площадках снасти следует располагать на расстоянии 7—8 м одна от другой, вытянув вдоль бровки, но несколько штук нелишне будет для контроля опустить в самое русло, ибо в отдельные периоды стояния льда щука забирается в глубину и на площадки носа не кажет.

Сама подготовка и установка жерлиц у опытного рыболова много времени не отнимает, особенно в теплую погоду, когда голые кисти рук не сводит от жгучего мороза. Около просверленной лунки нагребается небольшая горка мокрого ледяного крошева, в которой закрепляется стойка жерлицы с легким наклоном вперед, чтобы сматываемая с катушки леска проходила через центр лунки. Освободив немного лески, несколькими сильными потяжками распрямляют поводок, после чего, не затрагивая хребтика, под спинной плавник надевают живца и опускают его в воду. Когда груз достигает дна (это определяется по остановке и провису лески), выбрав ее слабинку наматыванием на катушку, делают 4—6 оборотов и, согнув пружину флажка, фиксируют им катушку, а значит, и живца на заданной глубине. При ловле на бровках рекомендуется держать приманку не выше полуметра от дна, в русле — до метра, а при ловле на коряжнике живцу позволяют гулять над самыми пнями, не допуская, однако, ухода его в какое-нибудь укрытие, иначе на такую снасть вы не дождетесь поклевки, а по окончании ловли и вообще можете лишиться основной части лески.

Кстати говоря, ловить на коряжнике, особенно по молодому льду, весьма заманчиво и горячительно, ибо ни на минуту нельзя упускать из виду жерлицы, а при их выстрелах, ни секунды не мешкая, надо спешить к добыче, в противном случае ваш трофей может бесполезно пропасть в корнях иного пня, не в силах самосто-

ательно освободиться от засекшей его губительной снасти. Изредка случается все-таки вытаскивать поновившуюся рыбу — для этого надо, не дергая излишне леску, дать вашему пленнику свободу и время, а уж он, если повезет (разумеется, не ему), сам выпутается. Но это, могу вас заверить, чрезвычайно редкие и счастливые случайности. Как правило, если уж хищник получил возможность улизнуть в крепь, то можно смело поднять обе руки вверх — сдаюсь!

После настораживания жерлицы лунку необходимо засыпать рыхлым пушистым снежком, следя за тем, чтобы он равномерно заполнял всю лунку.

Снег нужно насыпать до тех пор, пока под катушкой не образуется довольно высокая сухая горка. Делать это следует в первую очередь для того, чтобы лунка не замерзала даже в сильный мороз и леска при поклевке могла безо всяких усилий рыбы сматываться с катушки.

Как-то в начале бесснежного периода зимы ставил я жерлицы на Рузском водохранилище. Погода держалась ясная и тихая, но мороз по утрам кусался пребогато, поминутно заставлял дергать себя за нос и потирать побелевшие щеки. На молодом льду, прозрачном и гладком, не было ни одной снежинки, так что при установке жерлицы в моей голове возникали невеселые мысли в отношении процесса ловли. Но не будешь же из-за отсутствия снега заворачивать средь бела дня оглобли назад.

Так вот, установив снасти, я время от времени бегал прочищать лунки, но потом, увлекшись попутной ловлей подлещика, оставил жерлицы в покое. В то время мороз делал свое дело: все более и более вмораживал в лед мои лески. А в результате этого все четыре выстрела жерлиц оказались холостыми. В момент броска и хватки щуке удавалось расфиксировать катушку, выбросив флажок, но затем, чувствуя значительное сопротивление при попытке отплыть с

рыбешкой в зубах куда-нибудь в укрытие, щука просто-напросто или бросала живца, или сдергивала его с крючка, оставляя меня с носом. Ну что ж, сам виноват. Если в бесснежную морозную погоду хочешь поймать на жерлицу хищника, не ленись, чаще освобождай лунки ото льда, а если лень — сиди дома.

Также необходимо присыпать лунки снегом при ловле на мелководье, чтобы не засвечивать участок, и кроме того, крупная рыба спокойней идет в лунку, если последняя затемнена. Правда, в этом случае добычу приходится вытаскивать вслепую, но коль скоро понадобится багор, тогда наоборот — следует быстро очистить окошко в подводный мир, дабы действовать крюком наверняка, подбагривая добычу под нижнюю челюсть. Разумеется, навык действовать хладнокровно в зависимости от ситуации придет не сразу, но, упустив в горячке или по неопытности пяток рыбешек, наверное, многие из новичков сделают для себя соответствующие выводы.

Присыпав все настороженные жерлицы, рыболов вынужден как-нибудь скоротать время до первой поклевки, поэтому многие жерличники, устроившись где-то неподалеку от флажков, разворачивают другие снасти, скажем, поплавочные удочки — в надежде половить еще и подлещика. Случаются такие дни, когда хищник не берет, зато подлещик идет очень активно. На всю жизнь мне запомнилась зимняя рыбалка на речке Нудоль Истринского водохранилища, когда за два дня на мои жерлицы села лишь одна небольшая щука, но, опустив пару поплавочных удочек вслед за установкой жерлиц, я за час с небольшим поймал килограммов двенадцать вполне приличного подлещика. На Истринском водохранилище ловля подлещика в связи с его многочисленностью не ограничена ни в весовом, ни в количественном отношении. Мой же товарищ, будучи взят мною в ученики, игнорируя белую рыбу и не смущаясь худым клевом щуки,

путем поиска, переставляя свои снасти, сумел выудить четырех щук и одного судака, тем самым нанеся мне довольно ощутимый щелчок по носу. Кстати, попутно позволю себе заметить — не с целью похвалы, разумеется, а единственно еще раз указать моим читателям, к чему может привести рыбацкая смекалка, — что эти памятные мне счастливые лунки с подлещиком я обнаружил не случайно. Вот как это было.

Наверное, всем мало-мальски опытным лещатникам известно, что в середине зимы ловить на поплавочные удочки целесообразнее на старых брошенных лунках, ибо, возможно, не единожды они рассверливались за время стояния льда и не единожды кормились мелким мотылем. А раз так, то, я думаю, нет нужды объяснять, что вероятность найти именно здесь подлещика гораздо выше, нежели просверлив лунки на целине. Но придя на Нудоль после выходного дня, я увидел ледяной панцирь, рассверленный словно шумовка. При наличии такого обилия кормленых лунок я решил немного пройтись и обнаружить наиболее старые, засиженные места. Обойдя с десятков лунок, я обратил внимание на невзрачную, довольно свежую дырочку, находящуюся несколько поодаль от остальных, но то, что я увидел около нее, как раз и предрешило мой успех. А ведь увидел-то я всего-навсего несколько больших желто-розовых пятен на приотптанном вокруг лунки снегу, но именно такие пятна оставляет вытащенная на лед белая рыба. Как видите, я не промахнулся. Мне будет весьма приятно и интересно узнать от иного читателя подтверждение моим словам...

Увидев горящую жерлицу, не спеша или сломя голову (все зависит от участка ловли, а конкретнее — от состояния дна), рыболов оказывается возле флажка и первым делом обращает внимание на катушку — вращается она или нет. Некоторые рыболовы на белые

бока пенопластовой катушки наносят яркой краской круглой пятно, полосу или закрашивают даже целый сектор. Делается это всего лишь для того, чтобы на расстоянии определить, вращается ли снасть, хотя ни цветные пятна, ни сектора никоим образом не увеличивают число поклевков, но загодя сообщают рыболову информацию о наличии на крючке рыбы и ее поведении, а уж он в соответствии с полученными данными соображает о тактике своего поведения в момент подсечки.

Благодаря катушке очень четко прослеживается весь процесс питания щуки. Сразу после подъема флажка катушка молниеносно делает 5—7 оборотов и замирает на время. Это означает, что щука, схватив живца, стоит на месте, сжимая его клыками. Далее следуют еще несколько оборотов, но уже медленных, означающих начало движения хищника с добычей в зубах в сторону какого-нибудь укрытия. Затем снова пауза, иногда довольно значительная, с еле заметным движением провисшей лески вниз — данный этап означает заглатывание жертвы. И, наконец, катушка опять приводится в движение, подавая тем самым сигнал рыболову о том, что живец находится в желудке или пищеводе щуки, а та отправилась или за новой добычей, или к месту своей прежней засады. Вот этот момент и является наиболее благоприятным для подсечки. Да, собственно говоря, в данном случае подсечка, как таковая, и не нужна: достаточно лишь придержать рукою леску и острое жало крючка само вопьется в стенки внутренней полости рыбы.

Описанный сейчас процесс являет собой пример, так сказать, классической трапезы щуки или, если хотите, поведения во время трапезы. Но случаются, как, впрочем, и всюду, различные отклонения. Частенько, особенно в период глухозимья, щука после поклевки стоит на месте, не подавая ни малейших признаков своего аппетита, поэтому начинающие жер-

личники, полагаясь на холостой выстрел, нередко просто тянут за леску с целью проверки наживки, не подозревая даже о наличии на другом конце своего драгоценного трофея. Неожиданно рука ощущает тяжесть в глубине, следует бесполезная в большинстве случаев подсечка, трофей благополучно уходит, унося в своих зубах поживу, а по лицу рыбачка разливается горькая досада... Комментарии, как говорится, излишни.

В подобных ситуациях некоторые нетерпеливые, но обладающие некоторым опытом жерличники осторожно двумя пальцами чуть потягивают на себя лесу и, почувствовав малейшее сопротивление, сразу же отпускают. Если реакции снизу никакой, прием повторяют. Такое поддразнивание служит провокацией к заглатыванию щукой живца, и нередко она на эту провокацию поддается. Объясняется этот прием весьма просто. В момент натяжения лески щука чувствует, как добыча начинает якобы вырываться, и крепче сжимает челюсти: при вторичной и дальнейшей потяжках хищница, не желая упустить дергающуюся рыбешку, считает более разумным для себя проглотить живца.

Да, поклевки всегда бывают разные как по своей красоте, так и по своему содержанию, за что, собственно, мы их и любим. Итак, третий вариант поклевки щуки на зимнюю жерлицу заключается в том, что одновременно с выбросом флажка катушка с визгом начинает разматываться, и верещание ее порой бывает слышно за несколько десятков метров. Безусловно, это самая эффектная и завораживающая поклевка, глубоко смущающая легковерные на сей счет души рыбаков. Про хозяина жерлиц и говорить нечего — он подскакивает с сиденья, точно ужаленный змеей, и опрометью, забыв про багор, бросается на зов своей снасти. Но, увы, подобные страсти случаются очень и очень редко и происходят по причине великого

голода хищника и малого размера живца, которого хищник в состоянии захватить всего целиком.

Само собой разумеется, с подсечкой тут мешкать нечего, а натянув в струну леску, несильно, резким движением предплечья поддернуть на себя. Сколько раз приходилось наблюдать, как не в меру горячие рыболовы в результате чрезмерно энергичной подсечки упускали добычу. Это относится не только к жерличникам или кружочникам, но в большей степени к любителям ловли мирных рыб. А сколько из-за подобной нервозности порвано лесок, поломано крючков, сколько лещей плавает с разорванной верхней губой — и не сосчитать!

Разве сможет жерличник, например, когда-нибудь похвастаться крупным трофеем, если при подсечке его рука с зажатой в кулаке леской молниеносно вздымается высоко вверх, да при этом он еще и сам выпрямляется во весь рост? Со стороны постороннего наблюдателя такое поведение вызывает просто улыбку, сопровождающуюся возгласом: «Во дает!» И всегда в таких ситуациях виновата рыба, снасть или завод изготовитель лески, но никогда сам этот чудак, если не сказать больше.

После подъема флажка, но еще до подсечки рыболов должен по возможности быстро расчистить лунку от лишнего снега, иначе, подведя рыбу к выходу из лунки, он не сможет действовать ни багром, ни просто вытащить ее на леске, сориентировавшись на небольшие размеры добычи. В любом случае подходить к горячей жерлице надо с багром и шумовкой в руках.

Самый опасный трюк щуки, когда она начинает в непосредственной близости от лунки ходить кругами хоть и неосознанно, но все же стараясь перетереть леску об острые нижние кромки ледяного отверстия. И надо признаться, частенько этот маневр оказывается плачевным для рыболова. Поэтому опытные жерличники при малейшем подозрении на такой поворот

событий, ни секунды не мешкая, отдают рыбе часть лесы, чтобы утомить ее в глубине, и только затем, обессиленную, не спеша заводят головой в дырочку, подбагривая под нижнюю челюсть острым крюком.

Если в течение непродолжительного времени хоть дважды срабатывала одна и та же жерлица, следует немедленно окружить ее двумя-тремя наименее перспективными, на ваш взгляд, снастями, устанавливая их не более как в 3 м от первой. Дело в том, что рыбы, обитающие в придонных слоях, при перемещении пользуются определенными тропами. Какими именно — на это я ответить затрудняюсь, но очевидно одно: хищные рыбы, занятые поиском добычи, стараются придерживаться всевозможных складок донного ландшафта — так им легче незамеченными подкрадываться к беспечной рыбешке. Не нужно быть охотником или рыбаком, чтобы знать об этих характерных особенностях поведения хищников. Наверное, каждому городскому, а тем более деревенскому жителю неоднократно приходилось с интересом наблюдать охоту самой обычной домашней кошки за воробьями. Видели, как она, прижимаясь всем телом к земле, то медленно, то молниеносно перемещается от кустика к кусту, от кочки к кочке, и лишь кончик хвоста, пошевеливаясь, выдает ее нервное напряжение. Вот так же и щука охотится. В детстве мне неоднократно приходилось подсматривать в нашей прозрачной речушке сцены, подобные вышеописанной, только там вместо кошек и воробьев участвовали щурята и пескари. В глубинах большого водоема, где дно представляет собой относительно ровную площадку, щуки пользуются своими определенными тропами, а уж насколько они широки, должны подсказать вам сгруппированные в одном месте жерлицы. Благодаря такой тактике не единожды я брал хорошие уловы.

Еще не будучи заядлым жерличником, в начале декабря с установлением довольно прочного льда на

подмосковных водоемах решил я порыбачить вместе с моими товарищами в районе деревни Заборье, что находится на правом берегу Иваньковского водохранилища. Участок акватории с расположенными на ней небольшими островками, густо заросшими черной лесью и тростой, привлекал нас уже на протяжении нескольких лет более-менее стабильными уловами среднего подлещика. Но в то серенькое теплое утро нас поджидала досадная неудача — пройдя буквально на цыпочках по снеговой каше первый остров, от которого начинались заветные места, наш лидер вдруг с одного удара пробил пешней дырку во льду, откуда сразу же интенсивно начала фонтанировать вода. Вправо, влево — тот же вариант. Короче, дальше хода нет. Только рыбаки могут оценить и понять душевное состояние и уныние, охватившее нас в тот момент и выразившееся на наших физиономиях кислыми гримасами. Но нет худа без добра. К счастью, при сборах в дорогу в моем рюкзаке нашлось немного свободного места для десятка жерлиц, и, кроме того, во время экстренного совещания с единственной повесткой текущего момента, что же все-таки делать, я вдруг вспомнил о небольшом участке сбоку от острова, где изредка раньше замечал жерличников. Нет нужды говорить о том, что поимка десятка окуньков и ершей отняла у меня всего несколько минут, и вот уже мои новенькие ярко-красные флажки, выстроившись в одну широкую линию, поочередно сгибая свои гордые шеи, застыли на катушках, слабо трепеща под легким западным ветерком.

Конечно, я был приятно поражен, увидев, как на одной из моих жерлиц упруго вздыбился кумачовый сигнал, а катушка с легким повизгиванием сдавала неведомой мне рыбе виток за витком прозрачную леску. После минутного волнения и тревоги из лунки показалась широко разинутая клыкастая пасть мерной щучки. Минут через двадцать на ту же снасть соблаз-

нилась еще одна, потом еще. Остальные жерлицы стояли как замороженные, молчали. Недолго думая, я изобразил на льду из моих снастей фигуру, отдаленно напоминавшую по своему строению ромашку, то есть в центре находилась та самая, ловкая, жерличка, а от нее на расстоянии 3—4 м уходили в разные стороны остальные. Но тем не менее поклевки продолжались исключительно на центральную, словно щука не замечала соседних живцов, зато как магнитом притягивалась к одной точке. Натешив душу созерцанием подъемов флажка, а руки — ощущениями упорства добычи и немного успокоившись, я начал экспериментировать. В счастливую лунку опускал другие жерлицы, чередовал то окуньков, то ерша, но результат оставался прежним. Рыба брала только здесь.

Впоследствии, уже серьезно увлекшись этим видом ловли, я изредка наблюдал аналогичные ситуации, когда из целого леса поставленных рыбаками на льду жерлиц систематически работали лишь несколько. По всей видимости, объяснение подобному казусу может быть однозначным: одиночные подводные хищники при поиске пропитания придерживаются строго определенных маршрутов.

Все-таки замечательно рыбачить по перволедку, да и по молодому тоже недурно, ибо вся эта пора, начинаясь обычно у нас, в средней полосе, со второй половины ноября и продолжающаяся зачастую до Новогоднего праздника, сопровождается, как правило, активным устойчивым клевом рыбы и относительно мягкой погодой. Даже супруги моих коллег сейчас, наверное, более благосклонно относятся к этому праздному, как они считают, роду занятий своих мужей, поскольку надеются увидеть на новогоднем столе заливного судака или щуку, фаршированную под желе. Увы, мечты их не всегда сбываются.

Я уже говорил выше, что в теплую зиму в водоемах с заметно понижающимся уровнем воды рыба клюет

словно в течение всего периода стояния льда, но год на год не приходится. Случается с зимнего Никола (19 декабря) завернуть таким лютым морозам, что будьте любезны! Нос да уши береги! Тут уж не до рыбалки. Да и какую радость может она принести, когда руки из рукавиц не вытащишь, мотыля отогреваешь под языком, лунка в считанные секунды затягивается, а мороз все жмет и жмет, вышибая из глаз слезу. Не-е-ет, дорогие мои читатели, что угодно про меня говорите, но в такую погоду лучше уж посвятить свободное время своим домашним и каким-нибудь неотложным делам.

Однажды в 1978 г. на Агея (29 декабря) я влетел в 36-градусную стужу да еще с небольшим ветерком. Читатель, возможно, не успел забыть те времена, когда лютые холода были объявлены по центральным областям чуть ли не национальным бедствием. Как на грех, подлещик на двенадцати метрах брал в тот день очень хорошо — ему ведь невдомек было, что кто-то там, наверху, должен его, отчаянно упирающегося, вытаскивать на лесочке 0,15 мм голыми руками, поправлять или насаживать мотыля и снова заправлять мормышку в лунку. А подлещик все брал и брал, воздействуя активнейшим образом на охотничий азарт, и не давал уйти в тепло. На всю жизнь мне хватит тех воспоминаний, подкрепляемых теперь покалыванием и ломотой в пальцах даже в умеренный мороз.

Случается никольским холодам держаться до Агея (Агей, иней сей), а уж дальше, если верить народным приметам, продлятся они до самого Крещения (19 января). Но каждый год, разве что за малым исключением, рождественские морозы приходят строго в положенный им срок, а именно, числа 4—5 января, и затрепчат, разгуляются на неделю, а то, глядишь, и поболее.

После спада традиционных холодов в подледном мире наступает относительное затишье. Косяки белой рыбы, спасаясь от кислородного голодания, залегают

в глубокие впадины дна и неделями вообще не питаются, пока длительная оттепель не растревожит хоть сколько-нибудь их аппетит. Щука в этом отношении, как видно, тоже не является исключением и стоит в оцепенении то ли в излучине затопленного русла, то ли под корнями старого, источенного улитками и прочими водяными слизняками почерневшего пня, являясь в такие периоды превосходным объектом для нападения на нее различных паразитов. Время от времени при особо благоприятных условиях она все же выходит на кормежку, подцепляя такую же вялую, как и она, мелкую рыбешку, и, вытащенная на лед, трепыхнувшись разок-другой, стряхивает с себя до десятка и более мелких серых пиявочек. Данный пример наглядно доказывает, что рыба сейчас малоподвижна и рассчитывать на хороший улов не приходится. В водохранилищах, в течение всей зимы интенсивно сбрасывающих воду, клев рыбы, хотя далеко не такой активный, как по перволедью, все же продолжается, и даже в отдельные дни бывает очень недурным. Но поскольку внезапно начинаясь, он также внезапно заканчивается и длится зачастую день, много три, на лед в глухозимье выезжают лишь самые заядлые жерличники, которые на ловлю всякой другой рыбы смотрят, я бы сказал, с некоторым презрением. Остальные — менее привередливые, но более разносторонние — перестраиваются на ловлю подлещика и переключиваются на медленно текущие реки и каскады водохранилищ.

Конечно, они отчасти правы: чем тешить себя надеждой на возможную поимку хищника, лучше уж потешить рыбацкую душу классическими подъемами поплавок на прикормленной мелким мотылем лещевой лунке. И на мой взгляд, по меньшей мере неразумно будет оспаривать то благотворное влияние, которое оказывает на душу и организм человека разнообразие охот. Поэтому я всегда говорю: кому что нравится.

Итак, подо льдом наступило временное затишье, а мы, воспользовавшись этим благоприятным для разговора моментом, побеседуем еще об одной тонкости, являющейся, кстати, отнюдь не последней в оснастке зимней жерлицы, а именно: о поводках с крючками.

У рыбаков — безразлично, к какому виду ловли они больше всего склонны — существует правило: чем больше настегана рыба и чем менее она активна, тем искуснее и тоньше надо применять оснастку. Достоверность этих слов любой читатель может сам проверить на практике, установив, скажем, пяток жерлиц, оснащенных жилковым поводком, и пяток — металлическим. Мало того, можно даже в какую-нибудь лунку, работающую с жилковой снастью, переставить на время арматуру, и вы заметите, насколько резко сократится число поклевков. Впрочем, чтобы не тратить время попусту на подобные эксперименты, советую начинающим рыболовам поверить мне на слово.

Читатели уже, наверное, догадались, к чему я веду. Да-да, вы правы: поводок для зимней жерлицы при ловле на обжитых водоемах следует ставить из жилки. Вот сечение его — другое дело, тут уж надо сообразовываться с сезоном и с предполагаемой величиной рыбы, но в любом случае разрывная нагрузка такого поводка должна быть меньше основной лески по той простой причине, что в случае зацепа за корягу или иной топляк будет оборван лишь поводок, но никак не основная леса. Рыболову вследствие подобной неприятности затем не составит особого труда в течение нескольких секунд заменить поводок на новый, зато при обрыве основной лесы снасть полностью выходит из строя. Я, например, при ловле щук применяю поводки с сечением не ниже 0,4 мм, в основном — 0,5.

Возможно, опытные щукари замечали, что осенью чаще чем в любое другое время попадает крупная рыба, и у меня в связи с этим возникло предположение вот какого рода.

Почему в осеннюю пору крупняк идет лучше? Потому, что он интенсивнее питается. А позвольте вас спросить, почему он, до сей поры скромно молчавший, вдруг стал таким ненасытным? Хорошо. Наводящий вопрос: почему тощий медведь с наступлением холодов начинает скотинничать? Чтобы запастись на весь период зимней спячки необходимым запасом жира, без которого ему не одолеть полугодовое пребывание в анабиозе. Вполне возможно, что и крупная щука тоже, независимо от зимней температуры воздуха, накопив осенью достаточное количество питательных веществ, впадает в оцепенение. Молодняк же прогонист телом, худосочен, у него сейчас пора активного роста, поэтому регулярное питание для него — залог успеха и выживания. Ему-то уже пока никак нельзя успокаиваться и залегать на боковую. Он и хватает живца более-менее стабильно в течение всего года. Поимка же щуки весом в 4—5 кг на зимнюю снасть (период перволедья и последнего льда исключается) — вещь довольно редкая и чрезвычайно счастливая. Исходя из этого, нетрудно сообразить, что жилковые поводки сечением 0,4—0,5 мм по прочности на разрыв будут предостаточными. Иное дело — зубная щетка, являющаяся сокрушающим оружием для лески. О ней никогда не следует забывать, но тем не менее за мою десятилетнюю практику ловли зимой этих хищников я что-то не припоминаю ни одного случая обреза жилкового поводка. Случались обрезы основной лески о нижнюю кромку льда, случались (редко, правда) обрывы ее из-за мощных рывков глотнувшей весенней водицы, повеселевшей тяжелой рыбы. Но чтобы зубами — леску, нет, такого, как ни силюсь, припомнить не могу. Посекались поводки — это было, а вот чтобы до конца... Чего не было, того не было. Врать не буду.

Однако, если взять поводок сечением 0,3 мм, тогда уж я только пожму плечами... Казалось бы, разница

всего в одну десятую миллиметра, но именно эта десятая и является тем критическим пределом, который при ловле щук переступать не рекомендуется, иначе острые зубы, несмотря на вялое сопротивление своей хозяйки, все же сделают то необходимое действие, которое поможет избавить ее от всевозможных дальнейших неприятностей. Случалось, правда, вытаскивать добычу на лед и на такие поводки, но лишь в тех ситуациях, когда либо крючок цеплялся за кромку челюсти, либо поводок захлестывался за выступающую оконечность верхней губы рыбы. По-моему, все-таки при ловле щук лучше не уповать на случайные обстоятельства, а применять снасть хоть и малозаметную, но с некоторым запасом надежности, в разумных пределах, разумеется, и варьировать сечение поводков, включенных в оснастку зимней жерлицы, для обжитых водоемов в зависимости от периода зимы, как я уже говорил, от 0,4 до 0,5 мм. На глухих же озерах малолюдных областей для ловли щук в начале и в конце стояния льда рыболовы употребляют единую, безо всяких сочленений и поводков жилку сечением от 0,5 мм и выше или на толстую леску ставят металлический поводок. Я сначала недоумевал при виде столь грубого орудия, но однажды после нескольких обрывов полумиллиметровой лесы, проникся пониманием к серьезности текущего момента, все более убеждаясь в справедливости народного изречения: умный учится на чужих ошибках... Ну и так далее.

Теперь несколько слов о крючках. Именно несколько, ибо о них уже достаточно было наговорено, и сметливый рыбак без посторонней помощи сам сообразит, что в активный клев или жор, коий обнаруживается по перволедью и местами в отдельные дни заключительного этапа зимнего сезона, целесообразнее ловить на зацепистые тройники, а в остальное время лучшими будут двойники от № 8 и выше. Несомненно, что величина и тип крючка всегда должны

строго соответствовать размеру применяемой наживки. Вряд ли кому придет в голову на тройник № 12 надевать верховку, а на одиночный крючок № 8 — 100-граммовую плотву. Также тесно крючок должен быть увязан с сечением и типом поводка. Уж если стоит металлический поводок в сочетании с основной леской сечением 0,6 мм, то ясно, что рыболов рассчитывает на поимку крупной рыбы, следовательно, тройник № 10 с наживленной на него 80—100-граммовой плотвой будет вполне уместен. И наоборот, в глухой сезон, когда основной добычей жерличника является мелкая щука весом до 1,5 кг, разумнее ловить на мелкого живца и даже, как я уже говорил выше, на крупную верховку, применяя следующую оснастку: основная леска — 0,5 мм, жилковый поводок — 0,4 мм, крючок — одинарный № 10 со средней длины цевьем. В крайнем случае допускается двойничок № 7, жало которого аккуратно продевается в ноздрю верховки, но никак не под спинной плавник в виду его нежности.

И уж коль скоро я заговорил о подобных тонкостях, позвольте мне отвлечь чуточку вашего внимания на величину и сортность применяемых зимой живцов. В течение всего года рыба в зависимости от внешних факторов питается с большей или меньшей интенсивностью, поэтому жерличнику, дабы не возвращаться домой с пустым рюкзаком, ко всем прочим премудростям необходимо учитывать и эту особенность хищника. Мы уже знаем, что за период стояния на водоемах льда наиболее стабильным и активным бывает клев в начале и конце зимы, но в этих на первый взгляд, казалось бы, равнозначных фактах есть один нюанс, который доставляет рыбакам, не знающим или пренебрегающим им, подчас немало огорчений, хотя жерлицы — их тут винить не в чем — работают исправно, не хуже других, периодически выкидывая то здесь, то там очередной флажок. Так в чем же дело? А никакой загадки тут в общем-то не существует. Все очень просто.

Скажем, приехал жерличник по перволедку на водоем и зарядил свои снасти 70-граммовой плотвой. И что же? Он приехал по последнему льду и, не учитывая, что у хищника желудок сейчас сдавлен с двух сторон увеличивающимися к нересту молоками и икрой, поставил такого же по величине, как и четыре месяца назад, живца. Да что толку — поклевки много, а результат — ноль. Оказывается, рыба хоть и голодная и бросается, повинувшись инстинкту, на жертву, но вот беда: не заглатывая, частенько ее выплевывает. Я однажды обжегся на этом, когда за пять дней видел множество выстрелов на жерлицы и ни одной не взял, и лишь в последний день ловли, поменяв плотву на верховку, в том же самом месте поймал двух щук.

Разумеется, средней величины пескарь будет универсален как в начале зимы, так и по последнему льду. Это еще раз доказывает значительные преимущества данного вида наживки над прочими. Конечно, без исключений не бывает: в другой раз также по последнему льду на озере Волго я на среднюю плотву (другого живца не было) ловил таких красавиц (речь, разумеется, идет о щуках), что до сих пор вспоминаю с блаженством о тех днях.

Таким образом, я хочу подчеркнуть, что по перволедью хорош в той или иной мере любой живец, будь то окунь, плотва, ерш (пескарь — вне конкуренции), но уже с января месяца предпочтение отдается бойкой, прогонистой, белотелой рыбешке длиной 7—8 см. Встречаются водоемы, в которых щука хватает исключительно природного живца, и если на данном участке в ее рационе преобладают ерш и окунь, то порой игнорирует даже привозную плотву. Хотя такие ситуации случаются не часто. По последнему льду применение более мелкого живца, нежели в другие сроки, рациональнее по причинам, приведенным выше, но уже верховка создаст множество хлопот, ибо объединившийся в значительные стаи прибрежный тугорослый окунек

будет беспрестанно щелкать ее своими жаберными крышками, зажигая жерлицу, сам же оставаясь сухим.

Скудный клев щуки продолжается до середины марта, а в небольших стоячих водоемах и того дольше — пока не потечет под лед талая весенняя водица, несущая спасительный кислород рыбам и прочим живым организмам. До периода активного снеготаяния ловля на жерлицы продолжается по глубоким местам, перемещаясь, однако, поближе к полноводным притокам и даже заходя в них. Частые поклевки теперь редкость: две-три щучки за день — просто замечательно, да и сама рыба вся какая-то сонная, вялая, не доставляет рыболову тех трепетных волнений, что были до перволедья. Зато красавица природа, отдохнувшая и посвежевшая после бурных снегопадов и трескучих морозов, умытая снежной белизной и облаканная первыми, едва уловимыми своей теплотой, солнечными лучами, щедро льющимися с безоблачного бирюзового небушка, с лихвой восполняет скупость воды, проникая в душу рыболова созданием не такой уж и далекой теперь весны.

Все длиннее становятся дни, и, наконец, вот он, долгожданный март месяц,дохнул первым теплом. Увы, подо льдом, несмотря на первые признаки ликования природы, по-прежнему царит глухой период, и даже в некоторых водах именно на первые дни марта приходятся страшные, опустошительные заморы, так что приехавший туда после схода ледяного покрова рыболов с болью в душе видит, насколько хватает взора, безраздельный апофеоз смерти и уныния водной стихии. В первую очередь это касается непроточных, мелководных озер и прудов, густо зарастающих илом и водорослями, но, к сожалению, некоторые медленно текущие реки также подвержены заморным явлениям, хотя, на мой взгляд, последнее наблюдается как исключительное событие, происходящее, по-видимому, за счет гнилого ложа и болотных источников,

питающих эти злосчастные воды. В равнинных же реках с песчаным грунтом, освежаемых родниковыми струями, там и сям весело сбегаящими с обрывистого бережка, рыбе живется куда вольготнее, а потому какая бы стужа наверху ни лютовала, худо-бедно, но все же жизнь подо льдом не замирает, и весной отрадно будет увидеть на затопленной мелкой водой пойме возле какого-нибудь куста или кочки лоснящуюся под ласковым солнышком темную спину икрынки.

В иные годы Евдокия-весноуказательница (14 марта) хмурая ходит, северным холодным ветром задувает да осыпает землю снежной крупой. Тут уж не жди, рыбаков, хорошего последнего льда, ибо на Евдокию сиверко — к затяжной весне и к худому лету. Только, глядишь, растеплеет к полудню, пробьются золотистые лучики сквозь небесную серую пелену, приголубят заждавшиеся доли, а на завтра опять завоет, запоет белая круговерть, смешивая и землю, и небо в опостылевшую за долгие месяцы заваруху. И так изо дня в день. Закончится март, середина апреля уж на дворе, а весны-то нет как нет. Молчком, украдкой осядет снежная равнина, незаметно для глаза выльется по капле в овраги и испарится безрадостно для живой природы.

То ли дело, когда с самого начала февраля встанут красные дни, звонко ударит в оконный карниз первая капель. Вот и на Сретенье (15 февраля) опять ведро — знать, лето победило-таки зиму, а там пошли-потекли веселые деньки один за другим, и уж тогда на Евдокию обязательно напьется из лужицы в дорожной колее где-нибудь в тихом разомлевшем деревенском проулочке рябая хохлатка.

Теперь щуку бесполезно искать в глубине — в чем, собственно говоря, и заключается ошибка многих новичков, продолжавших ловить в тех же местах, что и зимой. С появлением в водоеме течения она начинает продвигаться к местам своего нереста и идет, как,

впрочем, и вся другая рыба, против струи. Затопленные коряжники с 2—3-метровой глубиной, откосы островов, с торчащими из-под льда желтыми сухими метелками камыша, горловины небольших бухточек, мелкие заливы полноводных притоков — вот места для весенней встречи с пятнисто-полосатой хищницей. А какие иногда, случается, влетают икрянки! Просто загляденье! Толстые, упитанные, ну что твой брусочек.

В богатых рыбой водах ход щуки к местам нерестилищ наблюдается иногда довольно плотный, так что, случайно попав на такую счастливую тропу, кумачовые флажки жерлиц начинают вспыхивать один за другим. Другое дело, по каким признакам определить искомый коридор. Из моих наблюдений предполагаю, что это будет бровка резкого перепада мелководья в затопленное русло. По самой глубине щука весной никогда не движется — там и плыть труднее из-за встречного течения, да и корму никакого не встретишь. Зато на прилегающих к руслу заливных лугах, ныне скрытых под незначительным слоем воды, весной собирается плотвичка, и окунек, и мелкий подлещик — словом, все те, кем может поживиться щука. В связи с этим существенные сужения берегов, различные протоки в водохранилищах будут являться весьма заманчивыми местами для постановки снастей. А если в большое искусственное озеро впадают одна-две неширокие, но довольно глубокие речки, то лучшего места, чем устья этих природных насосов, и сыскать трудно, ибо здесь в определенный период весны — большей частью в последние дни марта — буквально валом пойдут рыбы косяки. В подобных районах жерлицы следует располагать в шахматном порядке на поливах вдоль русла в основном водоеме, но в непосредственной близости от устья. Местные рыболовы, зная, где из года в год проходит нерест щуки, располагают свои жерлицы на подступах к этим площадкам. И не беда, если подо льдом глубина будет всего 2 м, а то

и меньше, зачастую именно здесь случается по последнему льду наблюдать активный клев хищника. Поначалу я как-то не доверял подобным местам и с сомнением относился к советам более опытных рыбаков в отношении установки снастей в эту пору, но одна памятная мне поездка разом исключила все мои прежние опасения.

Уже несколько лет, время от времени поглядывая на заманчивую разноцветную охотничью карту Тверской (тогда Калининской) области, я в сладких грезах переносился на весенний лед озера Волго, бередя свое воображение сказочными лещами, во множестве обитавшими в озере и радующими рыбаков своими не столь уж редкими поклевками. Надо сказать, что Волго — искусственное озеро, образованное лет сто, а может и больше, тому назад в результате перекрытия русла Волги бишлотом в районе поселка Селище. По велению природного ландшафта после затопления образовалось два больших водоема, соединяющихся между собой недлинным отрезком естественного ложа реки, именуемого у аборигенов трубой.

И вот, наконец, мы втроем едем к конечному пункту нашего маршрута — в небольшую деревушку Тухачево, приютившуюся на берегу устья трубы. Не успев расположиться на постой, бросив в проулке оттянувшие плечи в 9-километровом марш-броске пожитки, спешим радостно на лед и видим — возле бережка сиротливо притулился один-единственный рыбачок, монотонно взмахивающий коротким удильником с блесенкой. Оказалось — наш земляк, москвич, сидит здесь вот уже неделю.

«Ну, а улов, улов-то как?» — «Уло-о-ов?» Криво, как-то болезненно усмехнувшись, он приподнимается с ведра, обнажая дно, еле прикрытое окуньками величинной чуть больше пальца. Вот так Волго, вот тебе и последний лед! Какие уж там лещи! Может, пока не поздно, на подмосковную Истру, фанерку дергать?

Определившись в просторной избе, стоявшей на самом берегу реки, и наскоро напившись чаю из самовара, любезно растопленного для нас приветливой хозяйкой-старушкой, мы разбегаемся с мормышками в руках по ледяному полю в надежде наловить десятка полтора плотвичек, чтобы насторожить жерлицы. Уж если лещ не ловится, то щука обязательно должна брать — вспомнил я однажды где-то, кем-то написанное неофициальное правило определения вероятного клева хищника. Низкая серенькая пелена с перепавшим временами морозящим дождичком незаметно потихоньку отодвинулась, обнажив над горизонтом сперва узкую, а затем все увеличивающуюся на глазах бледно-голубую полосу весеннего неба, из которой вдруг разом хлынул мощный поток солнечного света и живительного тепла.

Тем временем мой закадычный друг Шурик, пристроившись неподалеку от меня, втихомолку, забыв про плотву, беспрестанно тягал из лунки полновесных — хоть и горбачами их назвать рановато — ярко расцвеченных красавцев окуней. Не вытерпев столь великого соблазна и отбросив в сторону рыбацкую этику, мы с Володькой, недолго думая, сорвались со своих мест, и, изрешетив весь лед вокруг счастливица, заработали мормышками, будто нас поразила тропическая лихорадка. Вряд ли когда мне удастся еще раз повторить подобную рыбалку, ибо подо льдом творилось что-то несусветное. Видно, снеготалая вода разбудила окуневые стаи, и они, глотнув свежей струи, набрасывались на блестящую капельку, таившую в себе смертельную опасность, буквально во всей толще мелководного полива. Горка полосатых рыб все росла и росла, но рука, повинувшись только охотничьему азарту, механически продолжала работать, не чувствуя усталости. Наконец поредевшая стая стронулась с места и позволила нам отвести свой мечущийся, полумный взор от кивков.

Я всегда говорил, что жадность до добра не доводит. На следующее утро, подойдя к возвышавшемуся за домом сугробу, в котором мы вчера захоронили полный мешок окуней, Володька неожиданно запел, подражая деревенским частушкам: «Ой хорек, хорек, хорек да по заваленке пробег...» Насчет хорька сказать трудно, но то, что ночью здесь похозяйничали все окрестные кошки, — это было ясно. Весь снег был испещрен многочисленными следами круглых лап, а в центре снежного вала зияла внушительная нора, откуда жалобно выглядывали обрывки полиэтиленового мешка. Еще не веря в случившееся, Шурик, ни слова не говоря, запустил в дыру по самое плечо руку и извлек на свет божий чудом уцелевшее доньшко пакета с остатками вчерашнего улова. И словно в насмешку, из-за угла соседнего дома не спеша прошествовал черно-пегий кот, а может быть, кошка — черт его разберет! — и с наглой мордой уселся возле крыльца, сладко облизываясь, сощутив свои бесстыжие глаза под лучами утреннего солнца. Да, славно нас обнулили. Пришлось начинать все сначала. Но окунь-то ведь тоже не дурак, не будет стоять на одном месте. Иди теперь, свищи его.

И все же судьба в тот день еще раз нам улыбнулась. На смену окуням подошла плотва. Не то чтобы солидная, так, граммов до 150, зато частыми поклевками заставившая нас возрадоваться рыбацкой жизни и не очень-то убиваться по поводу ночного разбоя.

Теперь дошла очередь и до жерлиц. Отобрав для наживки наиболее мелких плотвиц, я обложил цепью флажков все устье, обосновывая свою тактику тем, что щука, идущая к местам нереста, обязательно пойдет руслом реки — благо оно неширокое, всего каких-то 50 м — и уж никоим образом не минует расставленных снастей. Причем эти доводы я привел друзьям настолько убедительно и с таким апломбом бывалого рыбака, что у них не возникло даже ни

малейшего сомнения в непогрешимости моих мыслей. Если бы я тогда знал, чем все это обернется! Напрасно мы поглядывали в течение всего дня в сторону русла, ожидая увидеть трепетный выброс флажка. Лишь на следующее утро, спустившись на лед, нашим глазам предстал замечательный пейзаж, поначалу глубоко взволновавший душу: на чистом льду в лучах восходящего солнца на высоких ножках пружин, плавно покачиваясь, горели две кумачовые тряпицы. Увы! Волнения оказались тщетными. Одного живца на крючке не оказалось, второй, весь изрезанный судачьей хваткой, безжизненно болтался на леске. Прождав весь очередной день в надежде на поклевку, к вечеру Шурик перенес после долгих уговоров жерлицы на примыкавшую к руслу площадку с глубиной, если не учитывать толщины льда, всего 2 м. Ах, как я не хотел видеть здесь подъем флажка, окончательно подорвавший бы в таком случае и без того резко покачнувшийся мой рыбацкий авторитет в глазах этих двух учеников. Ведь я чуть ли не с пеной у рта пытался внушить неслухам, что на столь малой глубине щука ходить не должна — ей и развернуться-то практически негде. Но в конце концов, плюнув в сердцах на лед да ковырнув каблук сапога попавшийся на моем пути ледяной нарост, махнул рукой, мол, делайте, что хотите, все равно клева не будет.

Не прошло и получаса, как Сашка вздрогнул: «Горит!» — и сажеными прыжками понесся в сторону жерлиц. Пусто. Я в ответ лишь ядовито ухмыльнулся: «Ну, что вам говорили!» Но уже вторая поклевка принесла успех. Вскинув вверх на багре почти трехкилограммовую щуку, Сашка оповестил всю округу зычным голосом: «Победа! — подойдя ко мне небрежной походкой, еле сдерживая смех, потрепал меня по плечу: — Бывалый». Все. До последнего дня нашей рыбалки я носил за собой, как хвост, эту насмешливую кличку.

Бегать к жерлицам договорились по очереди, и поскольку хватки следовали с промежутками приблизительно 20—30 минут, то мы не особенно застывали. Но — силы небесные! — как только я подбегал к флажку, катушка переставала крутиться, леска провисала, давая понять, что дальнейшие действия бесполезны. А за спиной все чаще и чаще стали раздаваться издевки: «Бывалый! Он все знает, это у него тактический прием — отпуская, заманивать рыбу». Хотя отдаленно я и принимал эти подковырки как беззлобное зубоскальство моих друзей, но внутри душу мою безжалостно сжигал огонь досады. Кульминацией моих переживаний стал тот час, когда, вернувшись с небольшой речушки, впадавшей в озеро километрах в двух от нашей базы, друзья вывалили на лед из канны килограммового судака, еще вяло пошевеливающего жабрами: «Вот так, бывалый, учись ловить!» При виде столь желанного для многих рыбаков трофея, да к тому же пойманного на мормышку, у меня как-то особенно защемило внутри, и вся желчь, вся досада на горькую судьбину, копившиеся в душе в эти дни, выплеснулись на моей страдальческой физиономии. Сейчас я уже с доброй улыбкой вспоминаю те события, но в тот момент не знал, куда себя деть, тем более что затихшие было подначки, на которые я еще первое время как-то окусывался, возобновились с новой, пуще прежнего, энергией: «Бывалый знает, бывалый делает, бывалый поймает». Даже вечером в избе, сидя возле уютно потрескивавшей угольками голландки за партией «петуха», кто-нибудь нет-нет да и уронит с уст: «Бывалый!» И уж не дай Бог, если я пытался теперь хоть малость огрызнуться — затравливали как зайца.

На исходе нашего пребывания на Волго, когда в корыте, выдолбленном пешнями во льду, плавало уже с десятков хороших рыб, а моя досада на отсутствие ощущений живой тяжести на леске вот-вот готова была перерасти в отчаяние, фортуна вдруг круто

повернулась ко мне лицом и соответственно спиной к моим друзьям. Настал мой звездный час, и я, словно и не было вчерашних горьких неудач, не спеша, торжествуя каждой клеточкой мозга, каждым своим нервом, вытягивал на лед подбагренную очередную хищницу. На непроницаемом челе моем, выражавшем напускное спокойствие, друзья, скребя пятерней в затылке, с плохо скрываемым раздражением читали: «Да-с, бываетый. Вот и ловлю поэтому. Все закономерно».

ЛОВЛЯ СУДАКА

Должен сразу признаться читателям, что зимних встреч с судаком у меня было гораздо меньше, нежели с щукой. Причина в том, что в отличие от щуки судак расселяется по водоемам чрезвычайно неравномерно и, несмотря на многочисленные попытки ихтиологов акклиматизировать его в том или ином районе, накладывает *свою* резолюцию. По-видимому, эта рыба очень требовательна к качеству воды, но не столько к различным вредным добавкам от промышленных предприятий (хотя, без сомнения, данный фактор немаловажен), а скорее именно к природным свойствам, то есть к растворенным в воде минеральным веществам, обуславливающим ее жесткость или мягкость, к газам и реакции среды (кислая, щелочная, нейтральная). Мне приходилось выуживать в Оке судаков, мясо которых насквозь было пропитано запахом то ли керосина, то ли солянки, то ли еще какой дряни, и тем не менее рыба в столь, казалось бы, непригодной к существованию воде жила, питалась и размножалась. В то же время приходилось встречать большие озера, расположенные друг от друга всего в каких-то двух-трех десятках километров, но в одном судак водился в

достаточном количестве, а в другом — как ни пытались люди — он не приживался, несмотря на достаточные глубины, простор, кормовую базу. Налим — уж этот чистюля — и тот живет, а судак — нет. Опять же вспомним досточтимого господина Л. П. Сабанеева, который указывает, что в XIX веке судак преотлично существовал в Нижнецарицынском пруду (ныне Борисовский пруд Москвы) и даже ловился на живцовые снасти. А ведь данный водоем для обитания такой вольной рыбы не так уж и велик, но, видно, благоприятные качества водной среды позволили судаку обрести здесь приют.

Как я уже говорил, судак довольно капризная рыба, проявляющая активность, жадность и невзыскательность к наживке лишь в периоды жора, которые случаются четыре раза в году: в начале лета, осенью, в переловье и — временами — по последнему льду. Я умышленно не указал еще один кратковременный отрезок интенсивного питания хищника непосредственно перед нерестом, поскольку он совпадает с двухмесячником по охране нерестующих рыб, а потому заострять здесь на нем внимание не буду, дабы не пропагандировать среди читателей способы ловли в запрещенные сроки. Во все остальные времена года поимки судаков на живцовую снасть, на мой взгляд, носят чисто эпизодический характер, ну а в сезон глухозимья вообще — редко какой жерличник может похвастаться этой замечательной добычей.

У меня сложилось впечатление, что с установлением прочного льда стаи судаков залегают в глубокие изломы дна, впадая в сонное оцепенение, и на кормежку почти не выходят. Правда, здесь тоже не без исключений. Например, в водохранилищах с резко понижающимся уровнем воды зимой при достаточной плотности хищника судачьи поклевки не такая уж редкость даже в глухой сезон. Приблизительно это же можно сказать и о вольно текущих реках, где обога-

щенный кислородом постоянный ток воды поддерживает в любое время года жизнеспособность своих обитателей.

При достаточном морозе да еще с выпадением приглушающего звуки снежка, дней этак через пять-семь после крутого зазимка, оборвавшего дыхание спокойных, больших вод, разгуляется по плесам изголодавшееся судачье племя, наводя ужас и сея гибель разбойничьими набегами среди прочего не достигшего зрелости рыбьего населения. Вот теперь-то уж будь, рыбак, начеку, не прозевай отпущенных природой двух десятков замечательных дней и спеши раскинуть на льду свои хитроумные уловки, подстерегающие ненасытного сейчас хищника. В начале зимы судаки в поисках корма ходят довольно широко, особенно подстегиваемые охотничьим азартом однолеток стайки мелких и средних по величине рыб. Однако это не означает, что где ни брось жерлицу, там ее и схватит в тот же миг господин судак. Он так же, как и летом, придерживается излюбленных мест, просто активность его и район поиска значительно увеличиваются по сравнению с остальными периодами зимнего времени.

Основными местами зимнего обитания судака являются глубокие изломы затопленных русел, горловины оврагов, бывшие мельничные омуты, остатки мостов и насыпей дорог, районы слияния двух русел, глубоководные коряжники, остатки строения и россыпи крупных камней, так называемые гряды. При определении места ловли никогда не следует забывать, что судак чрезвычайно редко держится на однообразных больших, заиленных — пусть даже на большой глубине — площадках, а также вокруг и в самих значительных ямах и затопленных прудах, находящихся на порядочном удалении от русла реки. Дело в том, что подобные углубления дна из-за отсутствия какого бы то ни было естественного тока воды над ними очень быстро затя-

гиваются гниющими органическими остатками или, проще говоря, илом; стало быть, никоим образом не могут привлекать к себе предпочитающего твердый грунт судака. В таких районах скорее можно встретить подлещика, иногда даже и щуку, но отнюдь не его высокоблагородие. Природа, случается, создает бесподобные по своим качествам и сочетанию рельефы, мимо которых судаки пройти уже не в состоянии. Так, например, на одном подмосковном водохранилище есть плес, принимающий в себя подпруженную и потому полноводную и глубокую речку, впадающую в другое, более широкое русло неподалеку от обрывистого берега. Со стороны берега к руслу резко опускается песчано-каменистое ложе, а по другую сторону — к плесу — за неширокой ровной площадкой вздымается вверх то ли насыпь бывшей дороги, то ли просто естественный земляной вал. Сравнительно неплохая проточность, глубина и наличие резких перепадов дна удерживают здесь круглый год не только судака, но также щуку с окунем, сумевших каким-то образом разделить зоны влияния. Возможно, кое-кто из читателей москвичей догадался, о каком водохранилище и о каком плесе идет речь, ну а для тех, кто остается в неведении, я с благосклонного позволения моих коллег воздержусь от публикации данного района, ибо сам время от времени навещаю туда, да и, к слову сказать, не всех еще хищников там переловил.

Короче говоря, большую часть зимнего периода судаки придерживаются таких же крепких мест, что и летом. Отличие в особенностях ловли в том, что приманка опускается сейчас в непосредственной близости от донных перепадов глубоких мест, но никогда — на отмелях и вполводы, как это случалось летом. А вот по последнему льду картина изменится, ибо весной вся рыба тяготеет к свежей струе талых вод и впадающих в водоем речушек, и уж тогда опытного рыболова не соблазнят некогда заманчивые широкие плесы с таин-

ственными глубинами. Однако все это будет еще впереди, когда наступит время.

Многие любители ловли хищника совершенно справедливо считают судака одной из самых привередливых, непостоянных, как ветреная красавица, и загадочных рыб. Ведь только в кратковременные периоды отчаянного жора он словно дуреет и хватает почти любого живца, висящего порой на грубой снасти. Но даже и тогда ставит иной раз в тупик своими повадками матерых рыбаков; нынче он берет повсеместно, а завтра не клюет вовсе, вчера соблазнялся ершом с окунем, а сегодня идет исключительно на мелкого пескарика. Помимо всего прочего, хоть и относят судака к разряду зоревых рыб, но и тут он в зимних условиях на разных водоемах ведет себя по-разному; то первые поклевки его отмечают с пробуждением мглистого рассвета, то — с наступлением полного дня, а то к тому времени, когда большинство подледников, считая дальнейшую ловлю уже бессмысленной, оставляют без внимания расставленные снасти и собираются в кружок подзакусить да попить чайку под неизменные в тот час тары-бары. Едучи на судака, почти никогда не следует полагаться на какую-либо закономерность или определенность в его клеве. А посему, если душа страдает уж непременно выудить только эту рыбу и никакую иную, разумнее всего будет выбрать определенный водоем, богатый судаком, и целенаправленно изучать конкретные места обитания в зависимости от сезона ловли, повадки и периодичности клева облюбованного вами хищника, систематизируя и обобщая с каждой поездкой накопленный опыт и знания. Первый лед именно тем и хорош для охоты за судаком, что в эту пору количество всевозможных неопределенностей и разного рода закавык, оговоренных выше, сводится к минимуму. Оптимальным вариантом живцовой снасти для зимней ловли судака является все та же жерлица, описанная ранее.

Я думаю, опытные жерличники со мной согласятся, а новичкам следует усвоить как неоспоримый факт то, что на *конечный результат* ловли судака оказывает первостепенное влияние не столь правильно выбранное место, сколь применение малозаметной, нежнейшей снасти. И чем глуше зимний сезон, чем менее активной становится рыба, тем тоньше должна быть снасть. Я сам неоднократно обжигался на игнорировании этой закономерности, хотя уже достаточно хорошо знал стоянки хищника. Подойдя в предрассветном сумраке к месту ловли, я увидел, как семь или восемь из поставленного с вечера десятка жерлиц слабо трепещут вскинутыми вверх флажками, но живцы оказывались либо разодранными, либо отсутствовали вовсе. Даже полностью размотанная с катушки леска не означала удачного завершения (я имею в виду в пользу рыболова) поклевки. Я страшно удивился тогда и досадовал, упорно не меняя, однако, щучьей оснастки, ссылаясь на неплохие итоги в ловле щук. Вдобавок ко всему некоторые рыболовы, ловившие сами на удаленных и потому малолюдных водоемах, — а я это обстоятельство упускал из виду, — уверяли меня, что оснастку (сечение лески 0,5 мм, тройники № 8) ни в коем случае менять не следует, ибо может «влететь одинец» и шутя расправиться с более нежной оснасткой, а это будет очень обидно. Но обиднее всего оказывалось как раз то, что судачки стучали по моим снастям, но продолжали оставаться невредимыми. А уж одинец-то и по сей день преспокойно где-то плавает, дожидаясь своего часа. Лишь случай помог мне наконец избавиться от бессмысленного упрямства.

Как-то во второй половине января, когда лед на спокойных подмосковных водоемах достиг полуметра, а ловля судака близится к завершению, наш рыболовный коллектив организовал автобусную поездку на Рузское водохранилище. К тому времени я довольно хорошо знал рельефы дна на плесе, где мы собирались

ловить, повороты затопленного русла, коряжники, короче — наиболее вероятные стоянки хищника, который, правда, на этом водоеме пока что оставался для меня недостижим. Мысленно отработывая накануне план предстоящей рыбалки, я сориентировал себя на постановку жерлиц на участке, где к крутоизломанной нитке глубокого русла подходит сильно закоряженный, тоже глубокий овраг с пробороздившим его ложе тихим ручьем. Место, безусловно, заманчивое, но отпугивающее многих жерличников своей недоступностью из-за хаотичного нагромождения на дне множества древесных стволов и ветвей. Если и удавалось кому-либо опустить живца на чистую полянку среди топляка, то клюнувшая рыба моментально уходила в крепь, запутывая в густом переплетении коряг леску к великому огорчению зазевавшегося хозяина. Поэтому приходилось сечь хищника в первые же секунды после выстрела, а уж чтобы оставить там снасти на ночь в надежде на ночную охоту судака и его самозасекание в случае хватки, не могло быть и речи. Все эти препятствия я, разумеется, знал, но решил все-таки попытаться счастья, предварительно, чтобы не обрывать всю оснастку в случае зацепа, заменив поводки с тройниками на менее зацепистые одинарники № 10 и леской 0,3 мм при оставшейся основной леске сечением 0,5 мм. При установке поутру шестой жерлицы ближняя ко мне уже снаряженная снасть вдруг резко фыркнула, взлетел флажок и все замерло.

До этого у меня случались подобные явления, когда в момент опускания живца непуганый хищник по счастливой случайности находился рядом, и даже был случай, когда щука буквально на ходу выдернула из моих рук леску, но все же большинство аналогичных поклевков заканчивались впустую: видимо, инстинкт нападения срабатывает, а шум на льду, производимый рыбаком, поблизости устанавливающим снасти, мешает рыбе сосредоточиться при заглатывании добы-

чи. И хоть в моей душе что-то дрогнуло в тот момент, а руки автоматически потянулись к катушке, но, лишь почувствовав в глубине подо льдом столь знакомые и столь милые каждому рыбаку упругие рывки, я возликовал. Восторг мой оказался пуще прежнего, когда, разбрасывая во все стороны пушистый мягкий снег, на льду заплясал полуторакилограммовый судачок.

Это был мой первый зимний судак, научивший меня заодно более серьезному подходу в оборудовании снастей в зависимости от сезона ловли.

Спешу сообщить читателям, что в декабре 1987 года на Рузском водохранилище мною был пойман одинец-берложник весом в 3 кг 850 г, весь внешний облик которого вполне заслуживал такое название. Несмотря на, казалось бы, в общем-то заурядную массу, гул одобрения среди присутствовавших тогда рыбаков вызвала необычайная ширина тела рыбы, казавшаяся даже диспропорциональной по сравнению с длиной, так что протаскивать трофей в лунку мне помогал мой добрый товарищ Иван Б-ов. Кроме того, удивлял и сам окрас тела: бока отсвечивали старой потускневшей латунью, а ярко выделенные на них черные полосы переходили затем в совершенно черный фон крутоизогнутой спины. Сей хищник являл взору рыбаков столь угрюмый и одичалый образ, что у меня сразу возникла ассоциация с мрачностью темного закоряженного дна. Оттого и дадено было судачу название берложник.

Замечательно, что этот экземпляр засекался ночью на жерлицу, настороженную на береговом откосе всего с 3-метровой глубиной, где обычно ловили только щук. Не менее замечательным было и то, что в оснастку данной жерлицы был включен мягкий поводок, сплетенный из 22 тончайших нихромовых нитей, и тройник № 8. Металл мне пришлось включить в оснастку своих уд не столько по причине двух досадных обрывов жилковых поводков весьма вертлявыми щука-

ми, происшедших за пять дней ловли на фоне пятнадцати добытых трофеев, сколько по причине сохранения душевного равновесия в процессе вываживания хищниц.

Данное происшествие я все же отношу к разряду счастливых случайностей, и потому продолжаю утверждать о невключении металлических поводков в оснастку зимних жерлиц при ловле судака. Но уже в отношении применения тех поводков для добывания щук, я, право, нахожусь сейчас в глубоком раздумье. Более того, все ранние опрометчивые заверения в отсутствии обрывов щукой моих лесок вынужден взять обратно.

Грубую оснастку судак вообще не переносит, и случаи поимки его на обжитых водоемах на толстую леску и крупный тройник можно отнести лишь к периоду посленерестового жора и то не часто. У рыболова, придерживающегося данного правила, уловы всегда будут намного выше, чем у того, кто им пренебрегает. Дотошные читатели наверняка меня спросят: а если попадется крупная рыба — что тогда?

Ну, во-первых, когда она еще вам попадется — неизвестно, да и попадется ли вообще; у меня за десять лет ловли судака крупнее 3-килограммового не было.

Во-вторых, все сказанное относится только к массово посещаемым водоемам, на отдаленных и глухих местах, где рыболовный пресс ничтожен, это ограничение должно быть отменено.

В-третьих, мне кажется, пусть лучше за утро у вас будут пять-семь выстрелов и два-три судака в кармане, чем за весь сезон столько же подъемов, а в рюкзаке — дырка от бублика.

В-четвертых, на леску сечением 0,3 мм можно спокойно вытянуть 3-килограммовую добычу, а при умелом вываживании — и все пять.

И в-пятых (самое худшее), если произойдет обрыв оснастки, присылайте письма в адрес вашего покор-

ного слуги, дескать, так-то и так-то, чему ж ты нас такой-сякой, научил. Ей Богу, я не обижусь.

При оснащении жерлицы для ловли судака тем или иным сечением лески надо прежде всего четко представлять, где в дальнейшем будет производиться ловля и каков средний вес вылавливаемых в водоеме рыб. Исходя из этих соображений, и следует подбирать леску. Из личного опыта напомним еще раз, что добычей рыболовов в основном являются судаки весом до 3, максимум — до 4 кг; 5—6 — уже редкость, ну а выше — вообще феноменальное явление. Обычно в уловах преобладают экземпляры от 1 до 2 кг, следовательно, сечение поводка подбирается с таким расчетом, чтобы его разрывная нагрузка была несколько выше среднего веса ожидаемой добычи.

Для большинства замкнутых водоемов среднерусской полосы жилкового поводка отечественной лески сечением 0,3 мм будет вполне достаточно. В случае использования качественной зарубежной жилки, естественно, сечение может уменьшиться до 0,225—0,250 мм. Основная леска должна быть на 1,5—2 кг прочнее поводка. Про стальные или, точнее, металлические поводки я уже не говорю.

После всего сказанного вряд ли кому придет в голову мысль о возможности их использования в охоте за судаком. Крючки подбираются в строгом соответствии с леской, однако применение тройников дает несравненно худшие результаты, нежели оснастка с двойниками и тем более — с одинарными крючками, ибо стоит судаку хоть несколько уколоться, он тут же бросает живца. Следовательно, для случаев, оговоренных выше, целесообразнее ставить одинарники № 10 или двойники № 7—8. Лучше, если крючки окажутся хромированными — они не ржавеют и не очень хрупки. Вряд ли нужно добавлять здесь о необходимости острой заточки крючка, чтобы при ловле на коряжниках, не ожидая заглота судаком живца, при подсечке

он достаточно хорошо впивался в костистое небо рыбы.

Предвидя многочисленные вопросы новичков, хочу поделиться одним наблюдением. Когда жируют судачьи стаи на водоеме, нечего опасаться пореза тонкого поводка об острые щучьи зубы, поскольку щука в тот момент сидит в облюбованном укрытии и ни гу-гу, а то и вовсе покидает на время избранный район, предпочитая заливы, мелководные коряжники, то есть места, где судаки появляются чрезвычайно редко, тем более зимой. Отдельные случаи засекания на жерлицы щук в период буйства судаков, естественно, наблюдаются, тогда же уж тонкие поводки не выдерживают, а рыбаки в отчаянии топают ногами и машут руками. Но, на мой взгляд, лучше пожертвовать поводком вместе с щукой, чем впустую бегать к загорающимся жерлицам в течение одного или даже нескольких дней.

Теперь несколько слов о выборе и применении наживки.

Зимой судак более чем когда-либо предъявляет рыбакам свои гастрономические требования, пренебрегая в большинстве случаев второсортной наживкой, а именно окуньками и карасиками. Впрочем, он и летом не очень-то их жалуется.

Следует заметить, что в тех местах обитания, где основной его добычей являются ерши, например на Иваньковском водохранилище, в выборе наживки особых проблем не существует. А вот, скажем, на Истринском, изобилующем мелкой белью, там и бойкий пескарик зачастую является лишь забавой для судака, вроде как мышь для привередливой домашней кошки. Окунек, по-видимому, тем плох, что судак с ним мало знаком, поскольку обитают эти два представителя ихтиофауны на разных этажах и в гости друг к другу заходят редко. Вот щука — та наоборот: весь сезон открытой воды живет бок о бок со своим полосатым соседом и при удобном случае отнюдь не побрез-

гует зацепить его острым зубом. Бывают, конечно, отдельные случаи относительно удачного применения окуньков и в охоте за судаком, однако я не буду их рассматривать из-за их исключительной малочисленности. По моим наблюдениям, судак — и в первую очередь зимой — оказывается нередким трофеем у тех жерличников, которые наживляют мелкого и среднего пескаря или небольшую (граммов 30—40) плотвичку. В самый разгар зимнего жора вполне уместно применять и более крупного живца (в разумных пределах, разумеется).

Однажды из-за скудности живца в канне я посадил на тройник № 10 плотву около 150 г, не забыв при этом как следует закрепить сигнализатор на катушке во избежание холостых срывов. Тогда за день у меня было семь или восемь поклевов только на этого живца, не считая других. С каждой новой хваткой бедная плотва все более и более теряла чешую, хвостовое оперение становилось похожим на отработанную метелку, но тем не менее ни один хищник не решался ее заглотить. Наконец, под вечер после очередного выстрела катушка, до тех пор молчавшая, начала мало-помалу раскручиваться, сдавая в черную глубину виток за витком полумиллиметровую леску. У меня даже похолодело внутри от предчувствия упоительной борьбы с таинственным крокодилом. И когда жерличная катушка почти полностью освободилась от сдавливающих ее витков, я остановил леску, дал ей натянуться и секанул достаточно резким и коротким рывком... Из лунки вылез пустой тройник. В утешение себе я предположил небольшого размера судака, ухватившего за загривок мою плотву, минуя клякастой пастью тройник, и преспокойно направлявшегося к себе домой под корягу, размышляя попутно, что же с такой большой добычей делать: выбросить жалко, а проглотить собственные размеры не позволяют.

Коль скоро я вспомнил про этот случай, позволю себе дать читателям совет возить с собой в рюкзаке пару-тройку запасных катушек с более крепкой оснасткой для применения ее в сочетании с крупным живцом: хотя поимка гигантских хищников — феноменальное явление, ну а вдруг...

В период интенсивной охоты и лютого голода судак, как я уже говорил, хватает жертву с наскока, безо всякого промедления уходит с ней в сторону, на ходу пропихивая в ненасытную утробу, поэтому случаи самозасекания судака — вещь довольно обыденная. Именно этой особенностью пользуются рыболовы, когда оставляют на ночь на льду без присмотра свои снасти. В таком случае необходимо только обеспечить беспрепятственный сход лески с катушки после хватки и проверить вечером, надежно ли замечена лунка снегом. Некоторые подледники накануне ловли смазывают большую часть лески тонким слоем гусяного жира. Они утверждают, будто бы благодаря такой несложной технологической операции леска не примерзает к стенкам ледяного отверстия и после хватки идет как по маслу. Сам я никогда не пользовался этим советом, но вполне допускаю целесообразность подобных действий.

Думаю, нет никакой надобности объяснять новичкам бессмысленность оставления настороженных жерлиц на ночь без присмотра на коряжниках, а также вблизи пешеходных зимних троп, проложенных крестьянами по льду от одной деревни до другой. В первом случае при самозасекании судак непременно уйдет в крепь и надежно запутает поводок вместе с большей частью основной лески; а во втором случае не исключено, что какой-нибудь припозднившийся мужичок, проходя мимо беспризорных, великолепно выполненных кустарным способом жерлиц, не соблазнится прихватить с собой штук пяток, бормоча под нос слова благодарности и пожелания доброго здоровья беспеч-

ному неведомому хозяину снастей. И хотя случаи таинственного исчезновения жерлиц темной зимней ночью чрезвычайно редки, однако автору сих строк однажды все-таки пришлось весь комплект изготавливать заново.

При ловле в течение нескольких дней в местах с чистым дном, а также при малой вероятности появления посторонних людей оставлять жерлицы на ночь можно и даже нужно, ибо на некоторых водоемах судак берет в темное время суток лучше, чем при дневном освещении, да к тому же и живец меньше травмируется, избегая неприятной для себя процедуры неоднократного накалывания и снятия с крючка.

Первое время после накалывания рыбешка, опущенная в придонные глубины, стараясь освободиться от ограничивающей ее движение узды, интенсивно ходит кругами, благодаря чему представляет собой лакомый кусочек для хищника, который во все времена года предпочитает бойкую, энергичную добычу вялой, а потому и малоподвижной. Однако, отчаявшись вырваться из губительного плена или же просто-напросто утомившись от энергичных, но бесплодных усилий, живец повисает на леске, подавая признаки жизни лишь слабым пошевеливанием хвостового оперения. А если поблизости — не дай Бог! — окажется какая-нибудь затонувшая тростинка или веточка и живец сможет до них дотянуться хотя бы носом, то уткнется в спасительную для него соломинку и простоит в таком положении не шелохнувшись, сколько угодно долго, пока его кто-нибудь не потревожит. Поэтому, чтобы избежать холостого простаивания жерлиц, необходимо периодически взбадривать наживку путем трех-пятикратного подтягивания и опускания отрезка лески, находящегося между катушкой и льдом. Закончив эту операцию, можно увидеть, как катушка начнет слегка вздрагивать — значит, живец снова возбудился и пришел в свое первоначаль-

ное азартное состояние. Иногда — чаще в глухозимье — подобные приемы приносят легкий успех, одаривая пытливого и беспокойного рыбака кое-какой добычей.

Следующий тактический прием, в большинстве случаев применяемый при ловле судака, на который следует обратить внимание, — это поиск стоянки рыбы путем перемещения в той или иной последовательности жерлиц. Скажем, на известном рыбаку месте в определенное для клева время жерлицы молчат. Многие начинающие, да и не только начинающие, а просто ленивые жерличники полагают в таком случае, что это судьба и никуда от нее не денешься, и посему уходят под берег в надежде отвести душу хоть подергиванием на мормышку окуньков, забывая про снасти, оставленные без внимания, а то и вовсе сворачивают их, проклиная при этом горькую свою участь. Опытный же и неугомонный рыбак даже на знакомом месте попервоначально раскидает жерлицы широким фронтом и только при определении наиболее удачного пятачка по мере возникновения поклевки сконцентрирует снасти на определенной ограниченной площади. В противном случае, наоборот, — разбросает еще шире или, не уставая сверлить лед в различных направлениях, начнет переставлять жерлицы партиями. Такому энтузиасту всегда будет сопутствовать удача, ведь недаром же в народе говорят: терпенье и труд — все перетрут.

Случается, что большая судачья стая, собравшись со всего обширного плеса, понорится в каком-то одном избранном месте и не покидает своего убежища долгие дни и даже недели. Отсюда и понятно, почему многие жерличники жалуются на бесклевье в эти периоды. Но стоит хоть кому-либо из них наткнуться на подобное лежбище, как в короткое время ему удастся выполнить — да чего уж там греха таить! — даже перевыполнить норму, не в силах удержаться от соблазна еще и

еще раз испытать в душе незабываемое волнение от борьбы с упорной добычей.

Вот тут я малость того... Ну приукрасил, что ли. Аж самому совестно стало, куда меня понесло насчет упорства. Дело в том, что обычно попадающийся рыбакам средний судачок далеко не так упорист, как подобного размера щука. Куда там! Никакого сравнения. Судак, особенно в глубине, пока не видит рыболова, всегда идет как послушная лошадка, лишь изредка для порядка вздрагивает, пытаясь поднажать в глубину.

В общем-то засеченный судак идет к лунке спокойно, в основном ощущается только тяжесть добычи и несильные рывки в сторону и в глубину. Лишь при заведении пойманной рыбы в лунку рыбаку приходится слегка понервничать, поскольку тонкие жилковые поводки изредка перетираются об острые края нижнего отверстия лунки в самый последний момент, когда кажется, что победа уже близка.

Указанная мною пассивность судака происходит, надо полагать, не от слабости тела и духа, а скорее от тонкой чувствительности к болевым ощущениям, создаваемым острым жалом крючка, впившегося в его глотку. Несколько раз мне приходилось выуживать судаков на летнюю блесну, крюк которой насквозь пробивал верхнюю костистую челюсть хищника, так вот все эти экземпляры оказывали при вываживании куда более значительное сопротивление. Правда, на спиннинг, я уже говорил, подсекание и выуживание рыбы по эмоциональности превосходят ловлю на живцовые снасти — это следует со всей очевидностью признать. При использовании же зимних жерлиц в охоте за судаком рыболов в большинстве случаев находится поодаль от снастей, так что при поклевке подсечка следует запоздалая, когда хищник уже успевает достаточно глубоко заглотить наживку. Жало, прочно впиваясь в нежные ткани глоточной полости своей жертвы, при выуживании причиняет последней

физические страдания, отчего частично она цепенеет. По всей видимости, данное обстоятельство относится не только к судаку, но в какой-то мере также и к щуке, как, впрочем, ко всем живым существам. Я замечал в тех редких случаях, когда щука засекалась за глотку, что сопротивление ее становилось несколько слабее, свечек же эти трофеи практически никогда не делали. У подлещика на верхней челюсти, если ее так можно назвать, в том месте, где заканчивается хобот и начинается черепной хрящ, есть болевая точка, пробив которую рыболовный крючок напрочь парализует все движение рыбы, и она идет к берегу или к лодке словно тряпка. Таким образом, можно предположить пассивность выуживаемого судака как следствие болевых ощущений.

Сам того не замечая, я ушел в сторону от основной нити рассказа, приблизившись, однако, от сезона перволедья к самому тяжелому времени года для живой природы, а именно — к глухозимью. После активной судачьей охоты, длящейся в начале ледостояния приблизительно недели три, следует период постепенного затухания жора. На сильно сбрасывающих свой уровень водохранилищах судака можно поймать при благоприятных погодных условиях (давление, температура воздуха, направление ветра) даже в середине января, а то и к концу месяца. К таким водоемам в Подмосковье относится, например, Рузское водохранилище, в какой-то степени — Можайское. А вот, скажем, на Истринском с его незначительным перепадом воды зимой о судаке к этому времени мечтать не стоит, разве что случайно влетит. О крупных глухих и слабопроточных озерах типа озера Сенеж (Московская область) даже и не упоминаю — там вообще глухой сезон наступает сразу за перволедьем. На последних водах судаки сбиваются в стаи и залегают в глубоких изломах дна, впадая в оцепенение до тех пор, пока не побегут под лед весенние ручейки.

Там, где судак продолжает вяло кормиться, представлять жерлицы, конечно, можно в надежде на скромный успех, но эта ловля уже не доставляет такого удовольствия, как в начале зимы, когда вслед за первой загорающейся жерлицей взлетает, секунду спустя, второй флажок, там, глядишь, третий. Дух занимает, не знаешь, к какой вперед бежать. Естественно, не все поклевки оправдываются: зато сколько их за день! Бывает, только вновь зарядишь сработавшую снасть, возвращаясь к поплавочным лункам, обернешься назад и глазам не веришь — соседка зажглась. Широко гуляют судачки, озорничают. Случалось за день до двадцати поклевок на десять жерлиц! Просто чудо! Хотя и возьмешь на багорик всего-то трех-четырех рыб. А приходилось и при таком количестве подъемов уезжать домой ни с чем: начнет в районе крутиться стайка недомерков, посрывают всех пескарей, даже спасибо за угощение не скажут. Но опять же и здесь польза: сколько раз за день побегаешь, ноги разомнешь, не говоря уже об эмоциях.

В теплые, мягкие зимы судаки время от времени поднимаются из своих логовищ и изредка засекаются на живцовые снасти даже в период глухозимья. Изредка. Впрочем, я не хочу настаивать, что ловля на живцовую снасть судака в сезон глухозимья почти безнадежна, а щук — малоэффективна, каждый желающий может в этом лично убедиться. Несомненно, где-нибудь на спокойных реках найдутся местные умельцы, которые всю зиму едят только что выловленного из воды судака, или среди моих земляков-москвичей наберется сколько-то специалистов, не оставляющих своих жерлиц ни на неделю, что бы там, за окном, ни творилось, но хочу подчеркнуть: общие вопросы я и рассматриваю в обобщенной форме, а не выдаю отдельные, частные случаи, а то и случайности за бесспорную закономерность.

По-разному на разных водоемах ведет себя рыба с

установлением погожих весенних дней, но одно неизменно: в зависимости от погоды, раньше или позже, группами или поодиночке начинают выходить судаки из своих потаенных зимних убежищ, неспешно, с охотой продвигаясь к устьям впадающих в водоем глубоких и полноводных рек. В глухих непроточных, но больших по площади и объему озерах судаки за неимением свежих естественных притоков подходят вслед за мелочью поближе к берегам, выбирая для своего маршрута изломы и борозды подводного грунта, а для своих стоянок — бугристое или закоряженное, всегда твердое, хрящеватое дно. В реках, надо полагать, весенний ход судака бывает и интенсивнее, и значительнее по массе идущих в верховья рыб, нежели на водохранилищах, однако только безумный рыбак может попытаться в такую пору ступить ногой на рыхлый, подточенный перекатами, грядами и весенним теплом коварный лед. Мне довелось видеть в конце марта 1983 года на озере Волго одновременно провалившихся под лед двух местных рыбаков, переходивших неширокое, свободно текущее русло Волги по зимнику, которым я воспользовался какой-нибудь час назад, идя из деревни на простор озера. Слава Богу, что один из них, тот, который помоложе, моментально выскочил из полыньи и, распластавшись по льду, подавал руку своему пожилому компаньону, начавшему как-то вдруг быстро слабеть — то ли от страха, то ли от самостоятельных, но безуспешных попыток освободиться из смертельного водяного плена. Прошла всего, может быть, минута с начала его купания, однако разом напавшаяся водой ватная одежда и высокие охотничьи сапоги свинцовым грузом стали тянуть своего хозяина на дно. Этому способствовало еще и значительное течение в русле. Затаив дыхание, с учащенно бьющимися сердцами видели находившиеся поблизости рыбаки, как бедняга начал уже макаться в воду, аж по самые уши, временами доносились до нас

отрывистые, нечленораздельные крики утопающего. Но наконец, видимо, собрав последние силы и крепко уцепившись за руку своего спасителя, несчастный медленно выполз на лед. Раздался всеобщий вздох облегчения. Кто-то на радостях благополучного исхода крепко ругнулся по русскому обычаю, помянув при этом мать честную, а у меня долго еще потом в ушах стояли страшные крики о помощи да никак не исчезал из головы образ черного, прожорливого чела полыньи.

Я упомянул сейчас этот случай только лишь затем, чтобы предостеречь молодых и неопытных рыбаков от безрассудных поступков по первому и особенно по последнему льду.

Но продолжаю свой рассказ. Лучший клев судака по весеннему льду, впрочем, как и всех других пресноводных рыб, наблюдается в тихие солнечные дни, когда с берега устремляются наперегонки к водоему журчащие снеготалые ручейки. Собственно, в эту пору большинство судачьих поклевочек происходит по ночам и по рассветным зорям, видимо, как раз в эти часы он и совершает свои миграции. И опять, придя поутру к месту, где еще с вечера были расставлены жерлицы, иной рыбак, с восхищением и тайными надеждами заведя издали вскинутые вверх огненные флажки свои, сбросит на ходу рюкзак и заспешит к ближайшей снасти, предвкушая ощутить на лесе живую тяжесть.

Днем в солнечную погоду судак берет очень редко, даже щука и та стремится позавтракать сейчас при сумеречном подводном освещении. На отдаленных, малопосещаемых водоемах щука менее пуглива, поэтому, несмотря на погоду, жировать начинает весной в свое обычное для сезона льда время — то есть часов с 9 утра и до полудня. Судак же и там продолжает весной охотиться по зорям. А раз так, значит, рыбаку теперь спать некогда, не то что в начале зимы. Жерлицы должны быть заряжены и расставлены до

рассвета, но лучше, если есть возможность, установить их еще накануне, вечером. Обязательно надо помнить о бесполезности ловли в последние дни стояния льда на широких плесах с большой глубиной. Там, где в начале зимы вас радовали частые выбросы флажка, сейчас вы просидите впустую, ибо хищник покинул свои берлоги, и основная масса его, движимая инстинктом продолжения рода, ходит в притоках со средней глубиной 3—4 м.

В свое время, ожидая со дня на день захода судачьих стай в такие места, мы с приятелями наглухо закрывали жерлицами неширокие устья, причем случавшиеся поклевки отмечались в основном по бровкам затопленного русла. Следовательно, можно предположить, что судак строго придерживается ската.

Безусловно, в богатых этой рыбой реках миграция проходит широким фронтом, однако не следует думать, что во всю ширину реки, поскольку готовящаяся к нересту рыба передвигается из года в год только по определенным, раз и навсегда выбранным для себя тропам. Ярким примером может служить семга, которая нерестится лишь в той реке и в том месте, где она сама появилась на свет, и настолько силен этот инстинкт, что никакие препятствия, кроме смерти, не могут ее остановить. Зайдя в притоки на свежую воду и почувствовав нагулявшийся аппетит, судаки начинают активно питаться мелкой рыбешкой. Я подчеркиваю — мелкой, ибо желудки рыб, сдавливаемые в ту пору икрой и молоками, отказываются принимать более крупный кусок.

В моей рыболовной практике отмечалось несколько раз любопытное явление. Не имея в запасе пескарей, я вынужден был заряжать жерлицы местной плотвой весом граммов по 60—80. В любое другое время — это превосходная величина наживки, но весной для судака она уже становится поперек глотки. Инстинкт нападения у нашего хищника продолжает

срабатывать и сейчас, хотя в очень интересной форме. Утром, проверяя целостность и активность живца, я на двух из десяти заряженных плотвицах заметил спущенную чешую и глубокие порезы на боках — типичная судачья хватка. Казалось бы, ничего особенного — схватил, но не заглотил, — если не обратить внимания на то, что флажки на снастях оставались заряженными, а не выброшенными вверх. Вот это уже загадка, необъясненная и по сей день. Судя по ширине между ранами, хватку недомерка я исключаю, впрочем, и недомерок сдернул бы леску с моей чутко отлаженной катушки. Остается только предположить под водой следующую картину, как это и покажется невероятным: судак, заметив добычу, медленно подплывает к ней, раскрывает свою ужасную пасть и концами челюстей, то есть одними клыками, впивается в жертву, не дергая при этом головой и сам не шевелясь. Затем, сообразив, что невозможно заглотить такую поживу, снова открывает челюсти и словно пароход отработывает назад. Фантастика, правда? Но при всем желании ничего лучшего и более подходящего придумать не могу. Ну, если бы такой случай был единичным, тогда еще куда ни шло, а то ведь он неоднократно повторялся, причем рядом были свидетели — не заинтересованные ни в каких моих выдумках посторонние рыболовы. При них я снова заряжал жерлицу, и она безо всякого усилия срабатывала, едва я пальцами слегка натягивал леску. Надеюсь, что среди читателей найдутся более сведущие в этом вопросе люди и объяснят мне рассказанные случаи.

Очень перспективными для ужения судака по последнему льду местами будут значительные площади со средней глубиной естественные расширения притоков. Они схожи с омутами на небольших равнинных речушках, где вслед за перекатом или просто сузившимися берегами следует свал в глубину, а травянистые берега с нависшими над водой задумчивыми ветлами

вдруг широко раздвигаются, давая простор и отдохновение еще секунду назад стремительно бежавшей воде. Расширения притоков не назовешь омутами — масштаб не тот; для краткости их можно будет условно назвать плесами. Так вот, плесы с их перепадами небольших глубин, коряжником и в большинстве случаев изрезанной береговой кромкой привлекают рыбу во все времена года. Весной же подобные места зачастую являются вдобавок и нерестилищами, поэтому при хорошей дружной погоде они довольно быстро сосредоточивают в себе значительное количество рыбных косяков. Лед там бывает к концу сезона иссерлен, как решето, а незамерзающие по ночам лунки экономят рыболовам время и позволяют жерличникам вести активный поиск стоянок хищника перестановкой снастей по различным направлениям. Вот здесь уже могут одновременно попадаться судак, щука и изредка — крупный окунь, поскольку для более результативной ловли рыбаки применяют сейчас мелкого живца, которого окунь, невзирая на чрезмерно раздувшееся брюхо, иногда заглатывает.

Вообще поимка из-под льда окуней на жерлицы — событие довольно редкое, даже по перволедью, когда он жадно клюет на отвесную блесну или мормышку. В свое время я пытался организовать его ловлю, надевая на небольшой одинарный крючок, привязанный к тонкому поводку, верховку величиной чуть больше спички. Должен признаться, что подъемов флажков было много, да уехать домой мне пришлось ни с чем. То ли окуни благополучно срывали малька, то ли засекавшиеся несколько раз щурята, во множестве водившиеся в том зарастающем водорослями болотистом озерце, при вываживании мгновенно перетирали своей щеткой тонкую жилку. Впоследствии мне не приходилось наблюдать у кого-либо специально расставленные на окуня жерлицы. Да и нерациональное, хлопотное это занятие.

ЛОВЛЯ НАЛИМА

Собственно, сам процесс ловли этого ночного хищника я не очень ценю за его малоподвижность, несозерцательность и отсутствие ощутимой борьбы добычи при вываживании. Последнее обстоятельство могут подтвердить многие рыбаки, хоть слегка знакомые с настоящим ужением. Утверждают, что такая слабость сопротивления является следствием чрезвычайной чувствительности налима к болевым ощущениям. Возможно. Подобное, правда, в значительно меньшей степени встречается, если вы помните, у судака. Однако попадавшиеся мне ранее налимчики не превышали килограммового веса, поэтому я склонен отчасти приписать их слабость просто небольшой величине. Нет никакого сомнения в том, что где-нибудь в северных областях России при подтягивании ко льду налима весом 5—6 кг рыболову придется изрядно понервничать и попотеть.

Короче говоря, должен сознаться своим читателям, почему я все-таки нет-нет да и раскину поставушки на описываемую сейчас рыбу. Только, пожалуйста, не улыбайтесь. Из гастрономических соображений. Да, не скрою, мне нравится вкус его нежного мяса, а уж

про жирную деликатесную печенку лучше и не вспоминать. Но давайте все же я буду излагать последовательно, чаще останавливаясь на повадках хищника и способах его добычи, нежели на кулинарных советах и вкусовых осязаниях.

В Московской области, где я в основном рыбачил, поскольку никогда из Москвы и ее окрестностей на длительные сроки (кроме службы в армии) не выезжал, налим с четверть века тому назад, то есть в начале 60-х годов, являлся вполне обычной добычей, не заслуживающей такого вождленного внимания, как сейчас. Я сам помню, как мы, тогдашние пацаны, лазали с большими ивовыми корзинами под обрывистыми, заросшими трестой бережками нашей прозрачной Радомли, вытаскивая вперемежку с толстыми гольцами сонных налимчиков. Или, запустив по самое плечо в рачью нору руку, в глубине подводного тоннеля нащупывали вместо рака скользкую лягушачью кожу рыбы. Много раз можно было видеть днем сквозь пронзенную солнечными лучами родниковую воду уткнувшегося в крутой берег или в затонувший древесный обломок дремавшего налима. Однажды — это уже относится к самым ранним воспоминаниям детства — отец, прогуливаясь со мной вдоль речки, вдруг замороженно застыл, вгляделся в неглубокое дно и выдохнул: «Рыба!» Люди в те времена были проще, запретов меньше, и потому отец мой, недолго думая, срезал длинный, но сравнительно ровный и тонкий ствол молодой ольхи, густо разросшейся по благодатной почве берегов, зачистил верхний конец импровизированной остроги, неслышно подошел к воде и, наклонясь вперед всем корпусом, стал выцеливать добычу. Наверное, в такой же позе миллион лет тому назад стоял над ручьем какой-нибудь неандерталец, так же, как и мой отец, прищурившись для удара. В те времена (я имею ввиду, конечно, вторую половину 50-х, но никак не миллион лет) я мало смыслил в рыбе и тем

более в ее ловле, однако испытал доселе незнакомое чувство. Видимо, тот день и стал днем рождения очередного рыболова. Недолго примерялся отец, ударил с силой вниз, будто Георгий Победоносец пронзил своей пикой поверженного наземь дракона; острога спружинила, выдержав, не подломившись, всю тяжесть отцова тела, а по дну расползалось облако муты. Налим ушел. Несколькими годами позже, гостя у двоюродной бабушки в селе Кривцово, что находится на берегу Истры, я был очевидцем пойманного в сеть местными рыбаками очень крупного налима. Не могу наверняка сказать, каков был в то время мой рост — уж во всяком случае не менее метра — так вот та рыбина была почти с меня ростом. Безусловно, для наших мест он и по тем временам считался гигантом. Первый же налим, попавшийся на мою живцовую донку в речушке Радомле, порадовал меня в десятилетнем отрочестве, когда мои родители, скрепя сердце, отпускали меня одного к воде, и я, воспользовавшись такой свободой, целые дни в одиночку или с приятелями проводил за уже крепко запавшим в мою душу любимым занятием.

Этот налим схватил моего карасика темной ненастной июньской ночью в довольно глубокой, затененной густыми зарослями ольхи и дикого хмеля бочаге. Удача подхлестнула мое и без того бурное рвение к рыбной ловле. Редкий день проходил без моего присутствия у воды, и почти каждую ночь стояли живцовые донки в укромных речных уголках. Дважды в то лето мне попадались килограммовые стандартные щучки, один раз я вытащил снасть с отсеченным поводком, но налимы больше не клевали. Лишь несколько позднее, перечитав массу рыболовной и специальной литературы и набравшись кое-какого практического опыта в этой области, я обнаружил причину отсутствия тогда клева ночных бродяг, а также почерпнул ряд сведений из жизни налимов, о чем и собираюсь сейчас поведать.

Я не стану описывать характерные особенности строения тела налима, его анатомию и родственные связи с морскими рыбами — это сейчас не столь существенно. Поэтому я остановлюсь только на тех пунктах, которые, надо полагать, тесно увязаны с производством ловли налима. Все же остальные биологические замечания и вопросы для пополнения своих знаний читатели могут в значительном объеме обнаружить в «Рыбах России» Л. П. Сабанеева или в «Жизни животных» А. Брема.

Перво-наперво следует сейчас отметить зависимость нормальной жизнеспособности налима от природных качеств среды его обитания. Я не случайно в начале главы подчеркнул, что эта рыба четверть века тому назад считалась во многих местностях Средней России довольно обычной, ибо в те годы сеть советской индустрии не была так часто раскидана по стране, да и удельный вес ее был не столь велик, как сейчас. Нет надобности объяснять даже ученику первого класса, что с ростом промышленности резко возрастает количество промышленных отходов, значительная часть которых или непосредственно оседает в атмосфере, водной среде и на почве или же выпадает на поверхность земли в виде кислотных дождей. Большинство обитателей планеты приспособляется к новым условиям без особого для себя ущерба, но отдельные виды живых организмов как бы в знак протеста и укора властелинам земли постепенно исчезают из дикой природы, все более и более увеличивая объем Красной книги. К счастью, надо полагать, что в ближайшем будущем нашему герою это все же не грозит, но факт его нынешней малочисленности ввиду загрязнения вод, особенно в центральных областях, отмечался многими специалистами. А факты, как известно, вещь упрямая.

Вторая исключительная и характерная особенность налима — это тяготение его к прохладным, а еще

лучше — к родниковым водам. Данная особенность как раз обуславливает его неравномерное расселение. Чем выше по карте расположен водоем, тем численность налимого населения и размеры особей увеличиваются. Вода, стылая большую часть года в северных районах, а также отсутствие многочисленных крупных промышленных предприятий создали там идеальные условия для процветания налимов. И наоборот, чем ближе к южным широтам, тем реже и мельче встречается эта порода, пока наконец совсем не исчезает, уступая место схожему по форме тела, однако ни в коем случае не сородичу, как считают некоторые рыбачки, многопудовому сому.

Неверно было бы полагать, что во всех северных реках и озерах можно найти равных по максимальным размерам налимов. Я, как ежегодный, хотя и кратковременный, посетитель северных районов Вологодской области с их многочисленными большими и малыми озерами, во главе которых находится озеро Белое, подметил эту несправедливость природы в отношении расселения усатых хищников. Действительно, в одном водоеме местные рыболовы в период жора налимов становятся иногда счастливыми обладателями полупудовых трофеев, в других же, со сходными естественными условиями, даже старожилы не припомнят на своей памяти поимку таких рыб. Редко, но случается, что в сети промысловых артелей в иные годы запутываются экземпляры весом в три четверти пуда, а то и в пуд! Должно быть, очень эффектно и любопытно выглядят подобные чудища, как, впрочем, и любая, достигшая огромного роста рыба. Того же пойманного пескаря весом, скажем, в 200 г будут долго щупать руками и фотографировать на память сбежавшиеся невесты откуда, позабывшие про свои занятия, рыболовы. Так что же тогда говорить о здоровущих налимах, печень которых не уместится даже на хорошей семейной сковородке?! Но я опять невольно

уклонился в сторону гастрономии; постараюсь без особой на то нужды больше о ней не вспоминать.

Разумеется, плотность и вес налимов, обитающих в равных внешне водоемах русского Севера, будут зависеть от кормовой базы, газообмена воды, ее качества, структуры и состояния донного грунта. По первым трем зависимостям читателю, без сомнения, все ясно, а вот к последней мы еще вернемся.

Однако, несмотря на благоприятные условия северных вод, бурного процветания поголовья налимов и там не наблюдается. Его доля по отношению к численности других, обитающих в данном озере крупных хищников, как то судака, щуки, весьма незначительна. Этот нехитрый вывод можно сделать, если несколько раз побывать в местных магазинах, торгующих туземной речной рыбой. Налимов или включают в специальные продовольственные заказы, или продают с прилавков только заслуженным труженикам и участникам былых сражений. Это обстоятельство еще раз наглядно доказывает ценность налима.

Нельзя не отметить довольно брезгливое отношение к налиму целых поселков и народностей, живущих у побережья Северного океана. Там эту замечательную рыбу при поимке в сети немедленно выбрасывают за борт или оставляют на берегу в большом количестве с целью приваживания к этому месту песцов, лис, куниц и прочих пушных зверьков. К налиму питают отвращение из-за поедания последним падали, осевшей на дно, а также за его гладкую, скользкую кожу, ассоциирующуюся с лягушачьей. Но я думаю, что причина здесь кроется не столько в субъективных оценках, сколько в обилии в северных водах красной рыбы, поэтому естественно предположить изощренный, даже изысканный вкус северян.

Третья характерная особенность поведения налима заключается в его активности во время осеннего похолодания воды, в ненастное, темное время суток и нако-

нец самое замечательное — в наступлении нереста, когда нарастающий с каждым часом лед ухает и гремит от трескучего рождественского мороза.

Подобным хладолюбием не обладает, пожалуй, ни одно семейство пресноводных обитателей, населяющих евроазиатские воды, за исключением разве что горной форели. Более того, когда отдельные карповые виды, зарывшись в мягкий ил, пребывают в состоянии анабиоза, а остальные, бодрствующие, уходят в самые недра подводной стихии, спасаясь от леденящего кровь холода, налим ухитряется выметывать икру на затопленных каменистых грядках и других неровностях хрящеватого грунта. Видимо, при распределении живым существам условий, привычек, образа жизни природа за какую-то провинность или по недосмотру перевернула всю дальнейшую налимию судьбу с ног на голову.

Учитывая особенности жизни и поведения налима, даже неискушенный рыболов поймет, что ловля его в летние теплые месяцы бессмысленна. Вышеприведенный случай поимки налима в июне наверняка можно записать в мой актив как исключительный, которому отчасти способствовали родниковая вода Радомли и темная ненастная ночь. Сразу следует отметить тяготение налима именно к бурной погоде, и чем ночь хуже, тем отраднее становится у него на душе, тем активнее он рыщет в поисках добычи по дну.

В качестве убежищ на световой день налим выбирает затопленные коряги на глубоком дне, пустые рачьи норы, стоит он в тени круто уходящих в воду обрывистых берегов; мелкие налимчики порой забираются под широкие листья кувшинок, не успевших оторваться от дна. На речке Чернушке, впадающей в Истринское водохранилище, однажды летом мне довелось наблюдать любопытную картину, как некий рыболов, любитель донного уженья подлещика, залез в неглубокую прибрежную воду, чтобы отцепить крю-

чок, и вместе с крючком поднял со дна большой использованный огнетушитель марки ОХП. Выбросив его на песок подальше от уреза воды, рыболов вдруг к своему радостному изумлению отметил, что из баллона вместе с водой, извиваясь, выскользнул фунтовый налим. Короче говоря, наш герой прячется везде, где только есть хоть какое-то укрытие, твердое дно и холодная вода.

Наличие твердого донного грунта — одно из условий местопребывания налима, как, впрочем, и других хищников. Особым его расположением пользуются каменистые гряды: в них он находит убежище от возможных своих врагов и в первую очередь — от неводов промысловых артелей. Тайком передвигаясь ночной порой между отдельными валунами, он легко подбегает к бесечно дремлющей добыче.

В реке каменистые гряды легко обнаруживаются по многочисленным бурунам на поверхности воды; в озере, тем более обширном, дело обстоит сложнее — тут не будет никаких ориентиров, указывающих на добычливое место, хотя в некоторых водоемах (например, на Вологодчине) каменистые гряды из глубин подходят к самому берегу, так что их можно обнаружить ногами, идя по мелководью, или даже выползают на землю, образуя иногда значительные скопления обросших густым низкорослым мхом и лишайником глыб. В противном случае следует прибегнуть к опросу какого-нибудь местного словоохотливого мужичка, применив в разговоре весь дипломатический и нравственный такт: сначала, угостив куревом, побеседовать о небывалой нынешним летом засушливой погоде или, наоборот, об обложных дождях, которым конца не видно, о видах на урожай, потом — о других житейских делах, похвалить природу края и уж только затем можно подойти к интересующей вас теме. Получив исчерпывающую информацию, не забудьте сердечно поблагодарить и пожелать доброго здоровья самому

хозяину и всей его семье, а коли у него нужда в рыболовных крючках, грузилах и прочих принадлежностях возникнет, щедро одарить всем, что имеете в запасе. Чванство, высокомерие, нахрапистость — вообще порочны в каком бы то ни было общении с людьми, а тем более с сельскими тружениками.

В искусственных водоемах типа водохранилищ налимы, безусловно, существуют, но доля их здесь значительно меньше, чем в естественных водах. Видимо, сказывается заиливание донного грунта, отсутствие течения, температурный режим и закисание воды от затопленных прибрежных болот и других гнилых мест. Из всех подмосковных водохранилищ, где еще обитает налим, наиболее стабильным по уловам этого хищника можно выделить Иваньковское, расположенное, правда, за пределами области, хотя москвичи считают его своим родным и даже любовно прозвали Московским морем, а также Рузское. Так вот, в водохранилищах налимы выбирают для своего места жительства устьевые участки притоков с едва заметным, но все же течением, прирусловые зоны и зоны донных ключей. Убежища этих рыб находятся в укромных подводных уголках, порой на значительной глубине; жировать же они, как правило, выходят к песчаным отмелям, где всегда снует мелкая рыбешка. Если рыболову известен подводный стол — резко ограниченное по площади возвышение дна, то почти наверняка ночью он обнаружит там искомую добычу. То же самое происходит и в небольших бочажистых речках. В самом омуте налим только днюет, но с наступлением часа охоты продвигается к ближайшему перекату с застывшими на песке в чуткой дремоте пескариками. Поэтому рыболовы при уженьи по открытой воде основную часть своих снастей устанавливают именно на подходе к жировочным площадкам, а в сам омут забрасывают лишь пару-тройку контрольных крючков. Иное дело — зимой, когда даже мелкие места речушек окажутся в ледяном

плени и стылая вода заставит все рыбье население уйти в глубокие места омутов, где температура придонных слоев на полтора-два градуса выше, чем у поверхности. Тут уж налим далеко от своих коряг не уйдет — вся пища под боком.

Питается налим разнообразной живностью — червями, улитками, моллюсками, лягушатами, мелкой рыбой, а также различной падалью, осевшей на дно. Он ведет скрытный, ночной образ жизни, в поисках пищи передвигается только по дну и не бросается вслед за убегающей добычей на поверхность, подобно другим хищникам, поэтому можно вне всякого сомнения утверждать, что никому из любителей ночной ловли налима не доводилось наблюдать его охоту. Ассортимент наживок для данного уженья весьма широк: от червей до потрохов птиц и обрезков сырого мяса. По сей день у некоторых рыбаков бытует мнение, что лакомым кусочком является снулый, раздавленный сапогом ерш, ибо, ориентируясь в ночной мгле чувственным осязанием, заключенным в единственном усике на нижней челюсти, налим быстро отыскивает излучающее острый запах месиво рыбешки. Трудно что-либо возразить по этому поводу. Возможно, в отдельных местностях этот нехитрый способ подготовки приманки и находит своих защитников, опирающихся на какие-то свои факты, но, по моим наблюдениям, для налима более привлекательной и наиболее быстро отыскиваемой является именно живая рыбка, которая, быстро стремясь освободиться от крючка, создает ощутимые колебания водной среды. В феврале 1986 года на Корчеве из-за жгучего мороза я поленился специально наловить ершей, поэтому нацепил на крючки поставушек коляных адмиралов, во множестве валявшихся возле старых лещевых лунок, и только одна снасть была заряжена живой рыбкой. Случайно или нет, однако полуметровый налим засекся именно на этот крюк. К следующей ночи я уже подготовил

нужное количество живца и утром снял пару налимов. Если бы у меня была возможность продолжить рыбалку еще дня два, то я бы, презрев будущий улов, обязательно поэкспериментировал бы живцами в сочетании со снулой наживкой, чтобы выявить определенный вкус местного налима.

В журнале «Рыболов» № 1 за 1987 год Н. Васильев советует на каждый крюк тройника надевать по пескарику. Таким образом, получается живая гроздь, не позволяющая засекаться мелкому хищнику, зато шумной возней привлекающая крупных рыб, уже способных отправить столь жирный кусок в свой желудок(?). Что я могу сказать? Ровно ничего, лишь пожму плечами и разведу руками. Каждый в корне новый рецепт требует пристрастной проверки. В Подмосковье такие налимы, что попадают в Воронежской области уважаемому тов. Васильеву, — несбыточная мечта.

При ловле на снулую рыбу донной снастью в речках по открытой воде существует еще один недостаток: до того как налим успеет найти и заглотить ее, вездесущие ночные бродяги раки быстренько обчистят насадку, оставив на крючке лишь лоскуток из спинки. Подобные разбои мне приходилось наблюдать в верховьях Клязьмы, протекающей неподалеку от села Дурыкино, куда я в юношеском возрасте ездил рыбачить. То же самое будет и с лягушонком, ибо, прижатый ко дну грузилом, он лишен возможности время от времени схватывать атмосферный воздух и через какое-то время погибает, становясь легкой добычей клешнястого разбойника.

Короче говоря, по моим наблюдениям, лучшим живцом для ужения налима являются его постоянные спутники жизни, обитающие также на дне, — пескарь и ерш. Они всегда очень активны и долго не засыпают на крючке, более того, не исключена счастливая возможность при ловле на больших водоемах поимки ночной порой красавца судака.

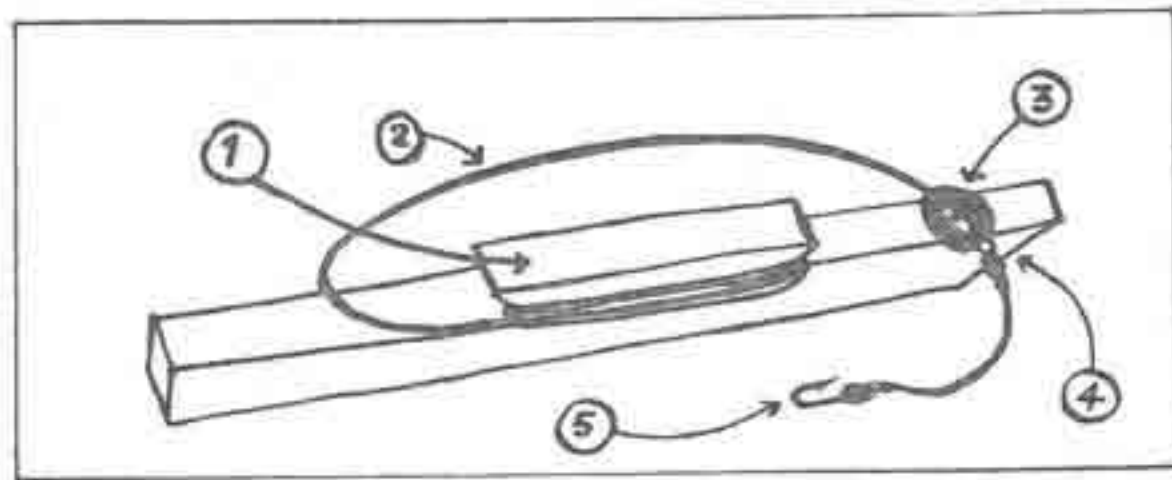

Рис. 15. Закидушка (поставушка):
1 — мотовильце; 2 — леска; 3 — грузик «олиака»; 4 — застежка с вертикальным лючком; 5 — крючок

Увлечшись воспоминаниями, я несколько опередил события: начав рассказ о наживках и способах ее применения, напрочь забыл сказать пару слов о снастях, используемых для ловли налима. Собственно, снасть — это слишком громко сказано, поскольку более примитивного в основе своей орудия трудно и вообразить. В дальнейшем будем ее условно называть поставушкой. Итак, в конструкции поставушки (рис. 15) отсутствует какой бы то ни было удильник — его заменяет фанерное или из какого-нибудь иного прочного материала (стеклотекстолита, например) мотовильце длиной до 30 см, шириной до 5 и толщиной до 3 мм. Сразу оговорюсь: описываемая сейчас снасть может одинаково хорошо служить как для ловли по открытой воде, так и со льда. На мотовильце наматывают леску обычно сечением 0,4 мм такой длины, чтобы при осеннем ужении в речках можно было закидывать насадку в любую точку избранного вами широкого омута. Я полагаю, 30 м будет более чем достаточно. В любых случаях, когда поставушки остаются на ночь без надзора со стороны хозяина, нужно стремиться к возможно максимальному ограничению свободного хода предполагаемого самозасечения хищника, ибо при

большой рабочей длине лески и малом весе свинцового груза налим беспрепятственно уходит в ближайшую крепь и там пропадает. В ранней литературе рекомендовали применять леску 0,6 и более десятых миллиметра и даже капроновый шнур, но, спрашивается, зачем? Отечественная леска сечением 0,4 мм выдерживает на разрыв свыше 5 кг нагрузки, а при заходе добычи в коряжник или в камни и миллиметровая не поможет. Любый настоящий рыбак никогда не станет применять грубую снасть даже при ловле такой невзыскательной рыбы, каковой является налим.

Осенней порой для ужения с берега на леску с помощью карабина ставят свинцовый груз весом не менее 100 г. Зимой же груз можно ставить значительно меньше, лишь бы он удерживал на дне живца и не сдвигался течением. К грузу на застежке крепится полуметровый жилковый поводок сечением 0,3 мм с привязанным на конце одинарником № 10—12 или двойником № 8. Опасения, что пойманный налим перетрет своей зубной щеткой поводок, исключаются — таких проделок за ним не водится. Леска может перетереться о нижнюю кромку лунки, но только в том случае, когда очень крупный налим не пролезет в нее, а будет ходить кругами подо льдом. Во всех остальных случаях он становится добычей рыболова.

Налим, почуяв и, наконец, схватив добычу, прочь не уплывает, как это наблюдается у щуки или судака, но всегда стоит на месте без движения, неспешно, все глубже и глубже засасывая несчастную жертву в свою утробу. Лишь затем он также неторопливо отправляется дальше по своим делам, постепенно все сильнее заглатывая леску, пока крючок не вопьется в стенки желудка. Ловить налима живцовой снастью в расчете на своевременную подсечку почти невозможно, ибо, как было оговорено, некрупный налим в момент хватки практически не подает никаких сигналов, а в момент обнаружения рыболовом потяжки лески крю-

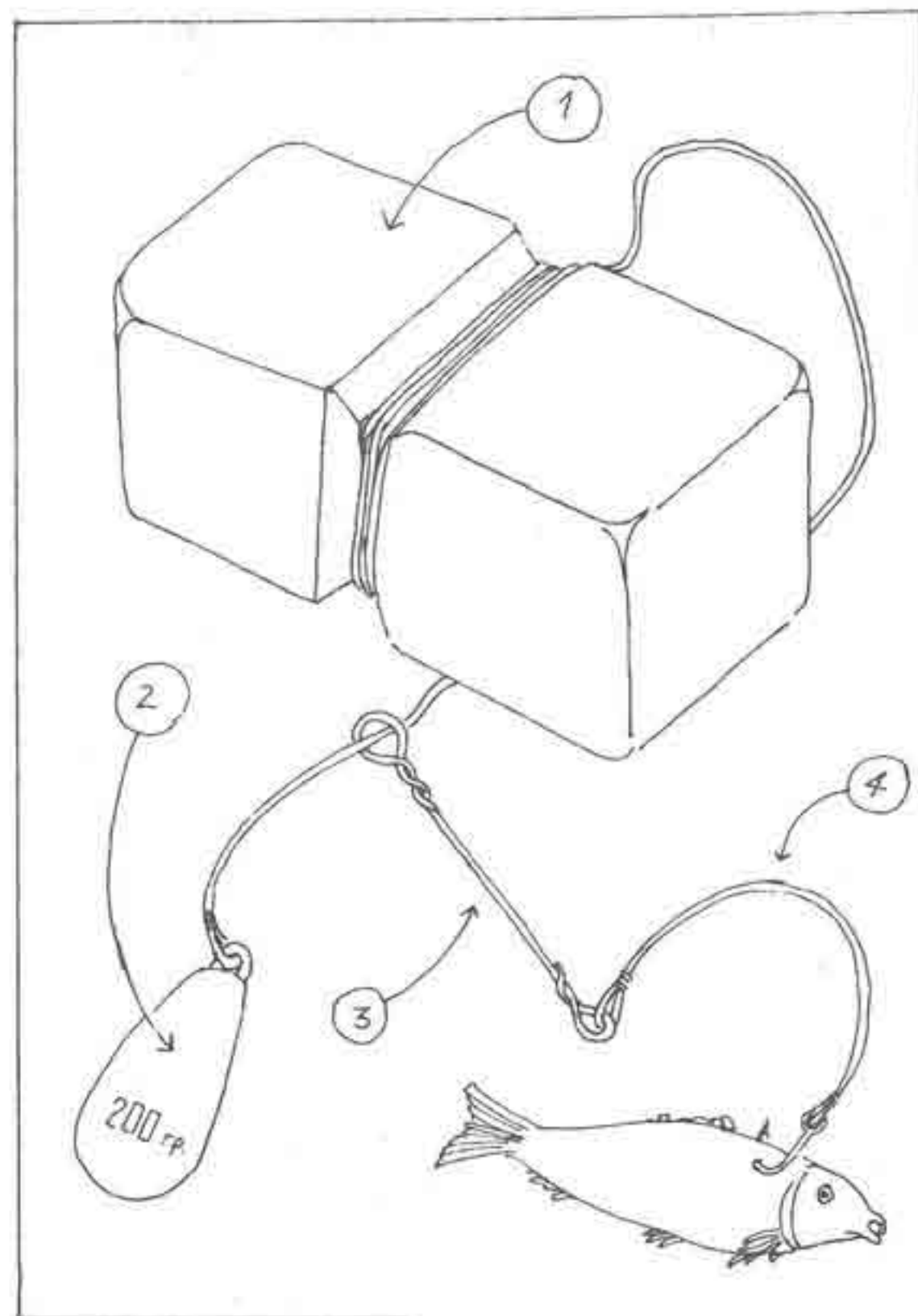

Рис. 16. Плавучая поставушка:
1 — пенопластовый боек; 2 — грузило; 3 — металлический поводок;
4 — отрезок лески (поводок)

чок находится уже в чреве хищника. Поэтому данная ловля рассчитана в основном на самозасекание. Хозяину снастей остается лишь, если он бодрствует, не упустить добычу в крепь, ну а если он сладко поживает, уповать на то, чтобы этого не случилось. При вываживании налима упирается чрезвычайно слабо, и порой создается впечатление, будто на крючке находится вовсе не рыба, а какая-то палка или тряпка. Сходов пойманной рыбы не наблюдается.

На больших, но относительно спокойных водоемах с октября и до самого ледостава иногда практикуется ночная, бесконтрольная со стороны рыбака ловля налима на кружки и плавучие поставушки. Запас шнура на диске во избежание ухода самозасеченного налима в крепь необходимо зафиксировать путем перехлестывания одного свободного витка вокруг желобка. Груз настороженной снасти должен находиться на дне, ограничивая тем самым свободу передвижения живца, ибо налим подбирает корм, лежащий исключительно на грунте. Поводковое кольцо буйка пропускается на отрезок мачты между его головкой и диском.

С той же целью применяются плавучие поставушки (рис. 16), расставляемые с лодки. К свободному концу лески сечением 0,5 мм привязывается груз весом не менее 200 г (можно камень), а на саму жилку свободно надевается короткое коленце жерличного стального поводка, до сих пор еще встречающегося на прилавках рыболовных магазинов. К стальному поводку привязывается отрезок лески сечением 0,3—0,4 мм длиной около полуметра и затем крючок с наживкой. Верхняя часть лески наматывается на пенопластовый ярко окрашенный буюк размером чуть больше сигаретной пачки.

Как видим, конструкция совершенно примитивная, но позволявшая отдельным рыбакам брать неплохие уловы не только налима, но и речного угря, в свое

время густо населявшего воды подмосковного Можайского моря.

Ввиду малочисленности налимого поголовья в Московской области вряд ли найдутся рыбаки, специализирующиеся именно на одном этом ужении. Обычно ловля налимов производится в совокупности с ловлей других рыб. Например, осенним днем рыболов ходит по речке с проводочной удочкой или спиннингом, а на ночь при условии следующего свободного дня раскидывает по известным местам поставушки и идет спать в окрестную деревушку к знакомым или родственникам. Утром он безо всякого трепета в душе вытаскивает ночную добычу. Так что активного процесса здесь не получается. Сугубо специфическая осенняя ловля налимов может устраивать романтиков-любителей ночных бдений у костра, людей, не склонных к активному поиску, — как правило, пожилых людей, но в тех местах, где плотность налимого племени достаточно высока, его ужение будет иметь несомненный интерес. Тут уж найдутся специалисты высокого класса, предпочитающие живцовым снастям отвесное блеснение с лодки или сходное с ним ужение на крупную мормышку.

С установлением на водах первого прочного льда жор налимов достигает своего апогея. Темными длинными ночами рыщут они по отмелям, каменистым грядам и затопленным на малой глубине бровкам в поисках корма. В первую очередь ловля начинается с озер и водохранилищ, а по мере застывания спокойных рек перемещается в большие заливы и проточные речные старицы.

В качестве живцовых снастей можно использовать знакомые нам зимние жерлицы или поставушки. Зачастую предпочтение отдается первым ввиду их универсальности. Скажем, жерличник, проводящий на водоеме несколько суток, в светлое время ловит щуку, а с наступлением темноты опускает живца на дно в тех

же лунках, жестко фиксирует запас лески и заряжает флажок. Если посчастливится, то, придя утром, он с радостью увидит два-три вскинутых флажка, означающих, что два-три налима уже сидят на крючках, дожидаясь горькой своей участи. Но встречаются отдельные места, где щука и налим жируют в различных, хотя и неподалеку расположенных районах. Тогда нет смысла переставлять жерлицы, проще в облюбованном месте раскидать поставушки, устанавливая прочное мотовильце поперек лунки и не забыв все это замести пушистым снегом.

Как я уже говорил, специально ловлей налимов занимаются очень немногие рыболовы. Особенно резко сократилось число любителей ночного уженья и блеснения налимов после введенного в конце 70-х годов повсеместного запрета на ночную ловлю рыбы.

Пользуясь случаем, позволю себе навести частичную критику на законодательные органы Мосрыбвода. Не слишком ли много, дорогие товарищи, стало возникать у нас разного рода запретов и ограничений? Ограничивают количество применяемых крючков, снастей, запрещают ловлю рыбы в излюбленных местах и в определенный период суток. Не лучше ли для обеспечения сохранности рыб навести самый жесткий контроль за расположенными вблизи водоемов предприятиями и совхозными фермами, следя за тем, чтобы те не сбрасывали, минуя очистные сооружения, ядовитые отходы в живую воду? Не проще ли ввести запрет рыболовецким бригадам бассейна Волги, например, чтобы те не перегораживали ставными сетями путь нерестующей рыбе, как это случается на Рыбинке или на Угличском водохранилище? Вот и было б у нас с вами куда больше рыбы и на какие миллионы народных рублей. А то ведь дело дошло до парадоксов. Например, на Истринском водохранилище, изобилующем тугорослым подлещиком, — фанерой, вылов этой, по существу, ставшей сорной, рыбы

не ограничен. Дескать, лови сколько угодно. Но стоп! Оказывается, крючков-то можно использовать только шесть. Ежели учесть, что на донную снасть, применяемую в большинстве случаев именно для ловли подлещика, ставят по два крючка, то арифметика очень просто выводит общее количество донных удилищ: $6:2=3$ (удилища). Хороший лещатник и в период жора управится с пятью-шестью лесками, а уж с тремя — и разговаривать нечего. Значит, получается так: с одной стороны — лови сколько выловишь, а с другой — но только на шесть крючков! Какая мудрая голова сочиняла эти правила?

Помнится, вскоре после опубликования запрета на ночную ловлю мне попала на глаза заметка в одной из центральных газет, автор которой (не помню, кем он назвался по профессии, но по духу явно не рыболов, да и писал скорее всего по чьей-то указке) хныкал насчет ночных бдений на льду. Дескать, чего рыбаки ищут в этом? Романтики? Нет, они сидят всю ночь напролет в своих закоптелых палатках, отказываясь от сладкого сна в постели, только лишь затем, чтобы побольше нахапать рыбы.

Но мне хочется спросить, а знает ли он, что такое звездная мартовская ночь посреди водоема, когда сидишь, предавшись своим легким и спокойным мыслям, в небольшой прозрачной полиэтиленовой палатке, освещенной изнутри чуть дрожащим золотистым язычком толстой стеариновой свечи? Отдыхает душа и тело. Вокруг тишина, чуть стылый воздух да маленькое пространство льда, ограниченное твоим шатром, из которого время от времени выбираешься наружу, чтобы вдохнуть глубоко некрепкого морозца, и не спеша, разминая затекшие спину и плечи, пройти до соседнего колпака приятеля. Выманив его на воздух, побалакаешь о том о сём, попьешь с ним из термоса горячего чайку, неторопливо покуришь и опять восвояси — ждать терпеливо первой лещевой

поклевок. А когда она ночью будет, да и будет ли вообще — неизвестно. Многие мои друзья по увлечению, знакомые с ночной ловлей рыбы зимой, прочитав эти строки, наверняка представят себе сейчас удивительные по своей романтичности давние далекие поездки на Волгу.

Что же касается фантастических уловов ночью, то это, я вам скажу, в большинстве своем — мечтания, мистика. Да, по теории, крупная рыба выходит из своих дневных убежищ на кормежку, когда на льду стихает шум от множества снующих взад-вперед рыбаков. Вот поэтому-то, придерживаясь устаревшей логики, и сидели наиболее горячие натуры по ночам возле своих лунок. Однако очень редкие из них могли наутро похвалиться даже несколькими полновесными лаптями. Но все же тогда зачем вновь и вновь ехали они из теплых углов в снежную темноту? — спросит неискушенный читатель. Да потому, что рыбаки ли, охотники ли — все они в основной массе своей романтики и мечтатели, любители тишины и природы. Вот поэтому-то и толкает их на ночной лед неподдающийся описанию заманчивый зов надежды.

И наконец, чтобы не утомлять читателей и не возбуждать против себя немилость со стороны определенных должностных лиц, последнее по этому поводу.

Отчасти запрет на ночную ловлю рыбы зимой — со льда, а летом — с лодок был введен из соображений обеспечения режима максимальной безопасности на водах. В свое время среди рыбаков ходила даже такая побасенка. Пришли утром на лед рыбаки, смотрят — стоит посреди белого поля брезентовая палатка. Ну, подошли полюбопытствовать, как клев. «Эй, командир, есть чего?» Молчок. «Спишь, что ли?» Снова тишина. Заглядывают в палатку, а внутри ее полынья уже корочкой льда подернулась. Выходит, значит так: сидел в палатке, примус, наверное, жег, сам надыхал тепла, лед-то под ним и растаял.

Подобных небылиц можно привести множество. Разумеется, бывали несчастные случаи среди палаточников: один — выживший из ума — лезет на ночную тропу первого или самого что ни на есть последнего льда, другой — догадается для освещения лунок зажечь в палатке какую-нибудь химию и, надышавшись ею, падает замертво, третий — полночи прикладывается к рюмке, а потом, повалясь в снег, засыпает, и уж наутро будит его не коллега по увлечению, а черт на том свете. Может быть, среди тех, кто читает сейчас эти строки, найдутся рыбаки, присутствовавшие декабрьской ночью 1977 года на льду Тишковского залива Пестовского водохранилища при возгорании брезентовой палатки одного чудака, догадавшегося разжигать бензиновый примус внутри шатра. Хорошо еще, что сам успел выскочить. Ну, а палатка, вспыхнув огромным ярким пламенем, в считанные секунды сгорела дотла.

Безусловно, никто этого не оспаривает, что соблюдение правил и норм техники безопасности где бы то ни было является первейшим условием доживания человека до глубокой старости. Но нельзя же при малейшем подозрении или даже в случае прямого нарушения отдельными лицами указанных норм вводить полный запрет на тот или иной вид человеческой деятельности. Варвары по отношению к своему здоровью и благополучию всегда были, есть и будут существовать, невзирая ни на какие запреты, однако из-за них будут ущемляться интересы нормальных людей.

У волгарей существует поговорка: Волга зимой до тех пор не встанет, пока пятнадцать человек не утопятся. А что если запретить Волге-матушке становиться на зиму, как тогда? Утопятся или не утопятся те пятнадцать? Обязательно, отвечу я, непременно. В пруду ли, в канаве ли, в болоте, но обязательно, ибо они сами себе того желают.

Послушайте, а может, еще дальше пойдем, может, запретим людям рождаться? Ведь уже при рождении ребенок подвергает себя доли риска быть удушенным корявыми руками неумелой акушерки. Да и вся последующая жизнь — сплошной риск. Риск попасть под машину, риск свернуть себе шею, неосторожно оступившись на крутой лестнице, риск быть убитым молнией или упавшей с крыши сосулькой. Кругом один риск. Так как вы считаете, уважаемые законодатели, не пора запретить? Над этим стоит подумать.

Да, ну и занесло меня в дебри! Пора выбираться. Не то и впрямь вместо рыболовных записок фельетон выйдет на социальную тему. Однако возвращаюсь к нашему доброму знакомому.

По сути дела, ловля налима живцовыми снастями довольно бесхитростна, если соблюдаются в благоприятном сочетании три условия, а именно: определенное время года, бурная ненастная темень и правильно выбранное место. Первые два условия терпеливый и наблюдательный рыболов всегда может соблюсти, а вот третий фактор носит подчас загадочный (для новичков) характер. И действительно, разве угадаешь на большом пространстве воды именно то место, где периодически жируют ночные хищники. Не год и не два пройдет, прежде чем самостоятельными поисками обнаружатся желанные пяточки. А так разве что случайно. Но уж коли наткнулся рыбак на удачу, стоит только лучше зафиксировать ориентиры, и можно в последующем, отправляясь за налимом, заранее заказывать супруге своей ставить пресное тесто для рыбного пирога.

До начала нерестового хода, который обычно в Средней России начинается с зимнего Николы и лишь изредка на святки (8 января), жерлицы на налима можно ставить в оговоренных выше местах, то есть на песчано-каменистых косах, длинным языком уходящих от берега к материку водоема; на склонах затопленных

островов, особенно в устьях полноводных рек, подпертых широкими плесами; на мелководных площадках вблизи крутых свалов в глубину — короче, где есть твердое дно и обилие снующей мелкой рыбешки. Великолепными местами являются участки рек ниже плотин с подходящими к основному руслу старицами, заливами и затопленными оврагами. Правда, в большинстве случаев подобные участки на протяжении 100 м от плотины вниз являются зонами покоя, но и ниже этих зон можно найти уловистые пяточки.

С наступлением настоящей зимы и до конца января все налимы снасти должны быть выбраны из воды на непродолжительную передышку, ибо, как я уже говорил, с Николина дня налимы забывают про аппетит и трогаются с насиженных мест в сторону различных чистых притоков, чтобы, дойдя до их верховий, дать жизнь потомству. По окончании нереста часть налимов разбредается по окрестным омутам и в случае достаточного количества корма остается в них до теплых дней, часть же скатывается к себе домой. Таким образом, с февраля — времени кривых дорог и больших метелей — наступает посленерестовый жор. Должен, однако, заметить, что жор этот случается лишь в водоемах, не страдающих дефицитом растворенного кислорода, то есть в реках и в водохранилищах, интенсивно сбрасывающих свой уровень. В глухих озерах и больших карьерах, соединенных какими-либо протоками с руслами реки, налимы могут клевать только при наличии достаточного количества донных ключевых струй, возле которых скапливается различная рыба, в том числе и наш герой. В противном же случае при любой возможности уйти в русло он не преминет это сделать.

Поставушки на налима я раскидываю в совокупности с поплавочными удочками на подлещика на широких просторах Корчевы. Собственно, основным объектом ловли в это время является как раз белая рыба,

ибо меня привлекает больше всего количество волнующих душу резких подъемов поплавка, нежели один-два небольших налимчика. Хотя не скрою — очень приятно бывает удивить своих домашних редкой добычей. Чтобы специально половить налимов, причем крупных, надо выезжать из Москвы куда-нибудь в Вологодскую область на большие и богатые этой рыбой проточные озера. И уж давно бы съездил, однако останавливает досадная причина: в ту глухую и снежную пору, кроме охоты за налимом, нечем будет больше заняться, а столь пылких энтузиастов этой ловли, которые могли бы меня совратить на поездку в далекий край, среди моих знакомых нет.

Надо полагать, что в посленерестовый жор более удачная ловля налимов будет происходить в коротких, но свежих и чистых притоках крупного водоема. Следует только учесть, где сейчас под глубоким снегом находится береговая кромка, чтобы не врѣзаться шнековыми ножами в мерзлую землю. По неопытности такое случается, когда неширокие речушки в особо снежные зимы заматаются заподлицо с берегами. Мне рассказывал один товарищ, как некие рыбачки, приехав затемно на место, в предрассветном сумраке начали буравить вместо льда футбольное поле. Нисколько не сомневаясь в истинности того случая, я склонен, однако, предположить, что воздействовали на головы тех бедолаг не столь факторы ночной темноты и высоких сугробов, сколь факторы, заставляющие иных припозднившихся домой горожан упорно звонить в дверь точно такой же квартиры, но только этажом выше или ниже.

Для возможности ужения налима зимой в указанных местах нужно непременно посетить их летом и зарисовать в свой блокнот береговые деревья, кусты, чтобы потом, пройдя по снежной целине на широких охотничьих лыжах к предполагаемому руслу, не гадать, где тут бочаг, где пережат, а где излучина.

Наиболее отчаянные приверженцы ловли налима зимой, застолбив избранный участок своими жерлицами, на ночь никуда не уходят (если это позволяют органы рыбинспекции), а продолжают оставаться на льду или откочевывают к ближайшему лесистому берегу, разжигают небольшой, но особенно в ту пору уютный костерок, кипятят из натопленного снега традиционный чаек, закусывают и вполуха слушают под шум разгулявшейся непогоды ночные передачи маленького транзистора, время от времени прерывая спокойный свой отдых ради проверки снастей.

Пусть я сам подобным образом никогда не принимал участия в ночной зимней ловле налима, но очень хорошо понимаю тех людей, и с совершенной ясностью представляю себе всю идиллию столь романтической обстановки. Мне случалось много раз в одиночку коротать ночь возле костра на берегу осеннего водоема или под пологом могучего леса. И всегда в глухую полночь мной овладевало торжественно-таинственное чувство величия и сказочности дикой природы. Нет, услышав зловещий хохот филина или тягуче-плаксивый крик большой серой неясыти, я, конечно, не приписывал эти звуки нечистой силе, каким-нибудь там лешим или кикиморам болотным, я отнюдь не испытывал суеверного страха, но всегда невольная дрожь пробегала по телу и в голову неотступно лезла мысль о том, что никакой ты не властелин природы, а всего лишь навсего такой же сын Земли, Воды и Воздуха, как и все эти живущие рядом с тобой бесчисленные существа. Да и, честно говоря, неразумно как-то говорить о властвовании людей над природой, ибо не они ее породили, а она их. Человек в безумном своем ослеплении может уничтожить ее, но покорить — никогда!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Давно утихли рыболовные страсти, погасли веселые ночные костерки, мелькавшие все лето по берегам, словно маленькие маячки, и воду окутало угрюмое одиночество. Лишь кое-где проносятся по хмурым сердитым волнам последние желто-бурые листья обнаженных деревьев, дрожащих и стонущих в ночной мгле от секущего по их голым веткам и потемневшим стволам ледяного дождя. Вой ветра в вершинах берез да нависшее черное небо, слившееся с мечущейся водой, безраздельно властвуют сейчас над миром. И потому особенно уютной кажется в такие минуты небольшая, но опрятная деревенская избенка с ее жарко натопленной русской печью и отдувающимся пузатым самоваром, занявшим свое законное место в центре такого же старого, как он сам, дощатого стола. Хорошо сейчас под вздрагиванье оконных стекол да завыванье в печной трубе вести неторопливую и спокойную беседу со своим компаньоном-охотником, вспоминая удивительные, кажущиеся посторонним людям, не посвященным в таинства природы, неправдоподобными, охотничьи истории. После пересказа очередной «пули» мой товарищ отхлебывает большой глоток чаю и, погоняя язы-

ком кусочек сахара, почмокав губами для солидности и большей значимости истории, задумчиво произносит: «Вот ведь как бывает». На что я без тени сомнения в достоверности сказанного киваю ему в ответ головой, медленно растягивая слова: «Да-а-а уж, быва-а-ает, конечно».

Мы оба некоторое время молчим, подыскивая в памяти, чем бы еще удивить друг друга и, наконец, допив самовар, накидываем на плечи, пропахшие избой, выдавшие виды телогрейки, выходим на крыльцо покурить. Из темноты в лицо бьет колючий ветер, насквозь пропитанный водяной пылью, заставляя поплотнее запахнуться в свалявшийся ватник и прижаться к косяку двери в дальнем углу небольшого навеса. Не дай Бог какому-нибудь путнику в такую непогоду оказаться один на один в открытом пространстве с надвигающимся призраком неотвратимой зимы. Зато как сладко осознавать, засыпая на узеньком топчане, укрывшись сверху пестрым тяжелым одеялом, под убаюкивающее завыванье бури за толстыми бревенчатыми стенами, что в доме тепло и сухо, и никакой ветер, никакой дождь не смогут проникнуть внутрь приютившей нас избы.

Незадолго до рассвета я проснулся от странного ощущения глубокой тишины. Лишь незнающие покоя ходики на стене продолжали монотонную свою работу, отсчитывая шаг за шагом неторопливую поступь владелина жизни — Времени. Выглянул в окно, и мне показалось, будто весь двор, и деревья, и крыши соседних домов залиты ярким серебристым лунным светом, и, только приглядевшись, понял, что озябшая земля, защищаясь от промозглого ветра и дождя, оделась снежным покрывалом. Не в силах больше заснуть, я оделся и вышел во двор. Было слегка морозно и тихо. Редкие снежные хлопья, возникая из ниоткуда, медленно кружась в воздухе, беззвучно и мягко довершали начатое несколько часов назад обряжанье природы.

Наверное, в старину также неспешно и деловито обряжали невест к брачному венцу.

Одно за другим наползают никогда не стирающиеся из памяти задумчиво-грустные воспоминания далекого детства. Для ребятешек первый пушистый снег всегда праздник. Только девочки стараются ничем не выказать свою радость, будто ничего и не произошло, мальчишки же — что стригунки-жеребята, впервые выпущенные на молодую, зеленую лужайку из зимнего стойла, — кувыркаются, орут, кидаются друг в дружку липкими комьями снега под опасливо-напряженными взорами жителей первых этажей.

Теперь все куда-то ушло. Далеко-далеко. Оставив как память о той поре лишь этот неповторимый, удивительно тонкий запах — запах первого снега. Его невозможно спутать ни с чем, он слаще всех существующих на свете изысканных ароматов, потому что он возвращает нас на короткие мгновения в ту сказочную, солнечную страну, именуемую детством. Он, запах, память.

А я все стою и никак не могу насладиться, вбирая полной грудью ровное и спокойное дыхание уснувшей до весны земли. Стою и не замечаю легкого холодка, забравшегося под распахнутый ватник, потому что мне сейчас тепло и хорошо от мыслей и чувств, навеянных запахом первого снега.

...Вот и закончился мой рассказ. И оттого, наверное, я испытываю сейчас легкую грусть, подобную той, что испытывают многие из нас, глядя вслед уходящему звонкому лету, хотя все хорошо представляют, что впереди, даст Бог, будут не менее прекрасные осень, ослепительно белая зима и утро года — весна. И все это будет бесконечное число раз повторяться. Но, однако же, то прошедшее лето было единственным и заново пережить его нам не доведется.

Напоследок, пробегая глазами густо исписанные чернилами листки школьных тетрадей, в которых я

постарался, насколько хватило умения, донести до читателей, не расплескав, все свои знания в практике ужения хищных рыб, все радости от познания естественной природы земли Русской и явлений Света, те некоторые замечательные события, участником которых мне посчастливилось быть, я хочу единственное сказать: все, что здесь изложено, написано было от сердца и по велению души. А хорошо ли, плохо — не мне судить.

В достоверности событий и правдивости предложенных советов не сомневайтесь, что же касается «охотничьих историй», если где и прибавил я, так лишь в размерах выловленной мною самим добычи, да и то чуть-чуть. Но, я полагаю, без этого рыбакам-охотникам никак нельзя, без этого рассказ не рассказ будет.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ЛИТЕРАТУРА

Рис. 1.	Зимняя жерлица	10
Рис. 2.	Оснастка зимней жерлицы	13
Рис. 3.	Схема регулировки флажка жерлицы	15
Рис. 4.	Шнековый коловорот	15
Рис. 5.	Глубомер	19
Рис. 6.	Буравчик	19
Рис. 7.	Багор	21
Рис. 8.	Зевник и хирургический зажим для извлечения крючка из пасти хищника	22
Рис. 9.	Пешня и различные виды наконечников	23
Рис. 10.	Черпаки для очистки лунки	24
Рис. 11.	Пенопластовая канна	25
Рис. 12.	Простейшее пленочное укрытие от ветра	27
Рис. 13.	Одна из конструкций санок для рыболова	29
Рис. 14.	Основные способы насаживания живца на крючок	41
Рис. 15.	Закидушка (поставушка)	109
Рис. 16.	Плавучая поставушка	111

Л. П. Сабанеев. Рыбы России. Жизнь и ловля (уженье) наших пресноводных рыб. В 2-х томах. М.: ФиС, 1982.

Настольная книга рыболова-спортсмена. Изд. 3-е. М.: ФиС, 1974.

Рыболовные любительские снасти. М.: Пищевая промышленность, 1972.

Рыболов-спортсмен, альманах, вып. 6, 1956, с. 347—356.

Рыболов-спортсмен, альманах, вып. 8, 1958, с. 151—155.

Н. П. Фетинев, И. В. Шехобалов. Рыбная ловля в туристском походе. М.: Профиздат, 1990, с. 74.

Составил Н. П. Фетинев

СОДЕРЖАНИЕ

Первоедье	3
Зимняя жерлица	7
Сопутствующие принадлежности	17
Живцы	32
Ловля щуки	44
Ловля судака	75
Ловля налима	98
Послесловие	122
Перечень иллюстраций	126
Литература	127

Научно-популярное издание

Александр Георгиевич Акимов

ЗИМНЯЯ ЖЕРЛИЦА

*Редакция литературы по туризму,
спортивной охоте и рыболовству*

Заведующий редакцией Э. П. Киин. Редактор Г. Г. Геннис. Младший редактор Б. И. Коржева. Художник серии В. Н. Зуйков. Рисунки В. В. Голыженкова. Художественный редактор И. А. Прибыткина. Технический редактор О. А. Куликова. Корректор Э. В. Солдатенкова.

Сдано в набор 17.02.92. Подписано к печати 08.06.92. Формат 70×100/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура Таймс. Офсетная печать.

Усл. п. л. 5,2. Усл. кр.-отт. 5,52. Уч.-изд. л. 5,5.

Тираж 100 000 экз. Издат. № 8613. Зак. 89. С-12.

Ордена Почета издательство «Физкультура и спорт» 101421, ГСП, Москва, Каляевская ул., 27.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации.
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

"Физкультура и спорт"